

Housing in Life Strategy of Orphanage Leavers

Vinkov S.V.

Student of Social Department

Oryol State University, Oryol, Russia

E-mail: vinjkov@gmail.com

Life strategy is an individual biographical plan, implemented in a specific socio-cultural and economical situation. (Dudnik, 2007). In fact, a life strategy is a universal criterion for studying the modern Russian society structure, in which all the actions of an individual form a certain social order. Living conditions of one individual immensely influence the biographies of the others. For example, asocial lifestyle of parents may entail an increasing number of abandoned children. The official statistic data shows this increase in Russia where more than 100 000 orphans¹ are registered annually since mid-90s. In the Oryol region about 675 abandoned minors have been registered for the last 3 years. Traditionally since the Soviet time this category of children is to be put into an orphanage, but family distribution has recently been put into practice, though the respective law was passed in the beginning of the 20th century. The process is bound up with the implementation of national projects, such as "Health" and "Available and Comfortable Housing for Russian Citizens".

It is obvious, that orphans can be categorized as an established social group in the modern Russian society. (Prisyazhnaya, 2008) This social group is heterogeneous: orphans without parental care (social orphans, parentless orphans); orphans with health problems (disabled, orphans suffering from severe illnesses and so on); orphans with different living conditions (foster families orphans, inmates of children's home and so on). Special attention should be paid to the inmates of orphanages, because this category is subject to the highest risk of being socially excluded due to diverse kinds of deprivation and low adaptivity to the social reality outside children's homes.

Considering all this information I carried out a research (2008) based on the following hypothesis. Housing problem – getting a dwelling unit, improvement of housing conditions in compliance with the standards of the Russian and international law - is one of the most significant factors of all that tax life strategies of orphans. 498 personal files of inmates residing in 4 orphanages for children in Oryol region, questionnaires for leavers and personnel (heads, social workers, educators) of the orphanages (40 and 8 respectively), statistic data, international and national regulations were used as the research material. The snow-ball convenience sampling was used in questionnaires, the answers were encoded in SPSS.

The research results show that there is no clear definition either of the concept "housing" in the Russian legislation (the most frequent term used to define it is "living space"), or of the criteria for comfort in the light of the national project realization "Available and Comfortable Housing for Russian Citizens". Thereupon the process of exercising housing rights and improving a financial status of orphans is hindered. Subsidies, as it is stipulated in various federal target programmes, for financing the projects of providing certain categories of orphans with dwelling, do not cover the real expenses needed for solving the housing problem of orphans.

The main reason for minors to be put into an orphanage is annulment of their biological parents. Along with that a title to the dwelling space where their parents live or lived is secured for the children. That means that after having been educated an orphan have to go to the place where his parents used to live. As a rule, officially most leavers do not have housing requirements – 92 % (of 498 people). They belong to the group which holds a number of documents warranting a housing space on the moment of graduation. The documents are issued to them by the local administration in the child's initial residence. Quite often these documents

¹ In this article an orphan is an individual who became parentless in his childhood due to certain circumstances and who has specific social guarantees, secured by the national legislation.

lack information of specific technical and living conditions of the prospective dwelling unit. Furthermore 68% of them (out of 92%) will have to live in the countryside from where they were taken to the orphan's home. On the basis of the rural housing development in Russia it should be mentioned that more than 50% of rural dwelling units do not have sewerage and water supply (no toilets, baths or showers).

In short, the situation described by means of questionnaires is the following. 19 men and 21 women were interviewed, the youngest subject is 17, the oldest subject is 54. 11 orphanage leavers were dissatisfied both by the condition and the location of the property secured for them. The following key events of their lives they defined as the most urgent: "to get a dwelling" – 35; "to find a well-paid job" – 32; "to have a sufficient education" – 30. In the list of the hardest goals to achieve the interviewed chose: "to get a dwelling" – 25; "to get a well-paid job" – 8; "to have a sufficient education" – 4. A lot of the former inmates think that educational issues were sufficiently dealt with in the orphanage in contrast to the housing problems. Domineering sources they get information about their rights from are radio, TV and the orphanage personnel. (16 and 15 subjects respectively).

The members of the staff in turn think that the housing problem is the most urgent and complicated for orphans, and the difficulties in solving it are due to the insufficient subsidizing of the available and comfortable housing (7 subjects); incapability of orphan to deal with the authorities such as workers of Housing and utilities administration, Social Security and so on (2 subjects); difficult bureaucratic barriers (4 subjects); peculiarities of psychophysiology and personality development of orphans (1 subject).

On the basis of the above-mentioned it can be surmised that solving of the housing problem which introduces certain accumulated social negatives in life strategies of orphans is possible, provided that an efficient legal and economical mechanism of housing and improvement of living conditions for the mentioned social group is developed.

References

1. Dudnik O.V. Life Strategies as an Analysis Instrument of the Transforming Society; The bulletin of the Russian International Friendship University. Series: Sociology. – 2007. – p.45-53. In Russian.
2. Prisyazhnaya N.V. Orphans – a Social Group of Russian Society. Materials from the 3d Russian Sociological Congress. [e-data] – Moscow: IS RAS, Russia, 2008. – 1 CD-ROM; 12 cm. [Internet adress: <http://www.isras.ru>.], ISBN 978-5-89697-157-3. In Russian.
3. Russian Statistics Yearbook. 2006: Rosstat. – Moscow: 2006. – 806 pages. In Russian.

Критерии идентификации среднего класса в кризисном социуме

Аглиуллова Алсу Ханифовна

аспирантка

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alsuagliullova@rambler.ru

Процессы глобального экономического кризиса, которые переживает современная Россия, сопровождаются незавершенностью перехода к рыночным отношениям, нестабильностью геополитической ситуации, обострением проблемы сохранения российских национальных ценностей. В этой связи наиболее перспективным считается формирование и сохранение стабильного среднего класса, которому традиционно отводится роль двигателя экономического развития, гаранта социальной и политической стабильности, проводника вертикальной мобильности, основного потребителя товаров и услуг.

Между тем, сохраняются *проблемы* теоретико-методологического и практического описания среднего класса в России: 1) неоднозначные трактовки термина «средний класс» и критериев его идентификации порождают существенную вариацию его

количественных оценок (от 3-6 до 60-70% населения); 2) слабо представлен анализ региональной специфики формирования среднего класса; 3) недостаточно работ, исследующих содержание его социальной активности, степени интегрированности, ценностей и мировоззренческих установок – важнейших индикаторов кризисного социума [1: 59-60].

С целью разрешить часть вопросов описанных проблем были поставлены следующие задачи: 1) на основе анализа западных теорий выделить основные теоретические и эмпирические критерии идентификации среднего класса; 2) дать количественную оценку размера среднего класса в конкретном регионе России в 2008 г.; 3) скорректировать набор критериев идентификации среднего класса с учетом современных тенденций.

В истории западной социологии к трактовке понятия «средний класс» можно условно обозначить *три основных подхода*: классовый, стратификационный и синтетический. Первые два подхода восходят к классикам социологии – К.Марксу и М.Веберу; а третий связан с теориями постиндустриального общества – концепциями Д.Белла, Ю.Хабермаса, А.Турена, П.Бурдьё и др. Указанные подходы были выделены по следующим показателям: а) реальность / номинальность существования среднего класса и источник формирования его классовой позиции; б) социальный состав среднего класса; в) роль среднего класса в социальной структуре.

В рамках *классового подхода*, который после Маркса с различными интерпретациями развивали К.Каутский, Э.Райт, Р.Дарендорф, а также неомарксисты, сущность среднего класса определяется конфликтной парадигмой и сводится к незначительной социальной прослойке между двумя противоборствующими классами.

Представители *стратификационного подхода* (Э.Дюркгейм, П.А.Сорокин, Т.Парсонс, Р.Мертон, К.Дэвис, У.Мур, а также неовеберянцы) определяли средний класс преимущественно по статусным критериям и функциональным показателям – прежде всего, в качестве стабилизирующего компонента социальной системы.

В рамках *синтетического подхода*, сочетающего го принципы как классового, так и стратификационного подходов к среднему классу, определяющую роль играют культурный капитал, квалификационные характеристики и способность среднего класса «обрабатывать и понимать символы» [2:104].

Проведенный теоретический анализ с учетом современных процессов позволил сформулировать следующее *определение среднего класса*: это интеллектуалы, не являющиеся собственниками средств производства, но благодаря своим профессиональным качествам и культурному капиталу осуществляющие функции контроля и научной экспертизы на современных высокотехнологических предприятиях и организациях рыночного типа и сумевшие тем самым обеспечить себе (своим семьям) приемлемый для данного региона уровень жизни.

Анализ эмпирических исследований среднего класса в России [3; 4], а также результаты собственного исследования в конкретном российском регионе (Ульяновской области) в 2006-2008 гг. показали *проблематичность применения жестких имущественных критериев* к изучению среднего класса в регионах России, а также *недостаточность традиционных критериев*, используемых исследователями: материально-имущественного положения, социально-профессионального статуса и самоидентификации. Так, в результате применения указанных традиционных критериев в конкретном регионе был выявлен средний класс в размере **лишь 3 %** взрослого населения, и главным дифференцирующим фактором выступил материально-имущественный показатель.

Крайне низкий удельный вес выделенного среднего класса не позволяет назвать его стабилизирующим и функционально значимым для поступательного развития конкретного региона в условиях кризиса. В современных условиях более адекватным представляется применение *дополнительных критериев социокультурного порядка*

(ценностей, жизненных установок и особенностей социального поведения) и адаптированных к конкретному региону материально-имущественных критериев.

В исследуемом регионе в качестве дополнительного критерия при выделении среднего класса учитывались: 1) «интегрирующие ценности индивидов» [1: 8], значимые для понимания кризиса (семья, благополучие, общение, отзывчивость, справедливость); 2. ориентация индивидов в сфере досуга на творческую самореализацию, получение новых знаний, культурный рост, социальную активность.

С помощью адаптированного к региону более мягкого по материальным критериям подхода, включающего социокультурные показатели, удалось выделить средний класс с удельным весом **26%**. Его основные признаки: среднедушевой доход не ниже среднего по региону; наличие как минимум высшего образования; самоидентификация со средним классом; ориентация на «интегрирующие ценности»; высокий интерес к профессиональной литературе, современным информационным технологиям, к социально-политическим проблемам в стране и мире; активный внедомашний досуг, направленный на самообразование и активное социальное участие.

Итак, теоретико-прикладное исследование среднего класса позволило сделать следующие выводы: 1) оценки масштабов и структуры среднего класса требуют тщательно разработанной теоретико-методологической базы, а также учета особенностей развития конкретного региона; 2) при выявлении российского среднего класса в условиях кризиса наряду с традиционными критериями рекомендуется использовать дополнительные критерии социокультурного порядка; 3) выявленный в исследовании средний класс с удельным весом 26%, основными характеристиками которого выступают интеллектуальный капитал, личностные качества и ценностные ориентации индивидов, в условиях кризиса сможет стать базовым слоем, на который смогут опереться государственные органы и социальные организации.

Литература

1. Ценности социальных групп и кризис общества / Отв. ред. Н.И.Лапин. М.: ИФАН, 1991. – 152 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. – 186 с.
4. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. – М.: Гендальф, 2003. – 506 с.

Сравнительный анализ концепций управления человеческими ресурсами и управления персоналом

Ананян Гоар Арташесовна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: goarrik@yandex.ru

Сегодня, в современной Российской литературе часто встречается подмена понятия управление человеческими ресурсами понятием управление персоналом, и наоборот. Так, если концепция управления персоналом (она появилась вместе с усложнением труда и техническим развитием производства) предполагает подбор, адаптацию и мотивацию персонала. То, концепция управления человеческими ресурсами (появление данной концепции было связано с усложнением технологических процессов и ростом интеллектуализации производства в ходе научно-технической революции), которая считает человека одним из важнейших производственных ресурсов предприятия, помимо вышеназванных функций включает в себя такие аспекты, как

управление персоналом в соответствии со стратегическими целями организации и развитие корпоративной культуры.

...

В ходе исследования были даны определения понятиям управление человеческими ресурсами и управление персоналом. Автором был проведен сравнительный анализ концепции управления человеческими ресурсами и управления персоналом.

Проведенное исследование позволило рассмотреть место человеческого ресурса в рамках данных концепций и выявить их основные сходства и различия.

Литература

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами – СПб, 2008.
2. Журавлев П. Мировой опыт в управлении персоналом – М., 1998.
3. Мексон М. Основы менеджмента – м, 1997.
4. Полякова Н. XX век в социологических теориях общества – М., 2004.
5. Фут М. Введение в HR-менеджмент: учебник – М., 2005.
6. Хачатурян А.А. Управление человеческими ресурсами в бизнес - организации: Стратегические основы – М., 2008.
7. Pinnington A., Edwards T. Introduction to Human Resource Management – Oxford, 2007.

Экстремизм в молодежной среде

Аршинова Алёна Игоревна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: alenapmr@rambler.ru

В современной социологической науке имеет место оживленная дискуссия на тему молодежного экстремизма. Ученые, студенты, аспиранты, члены молодежных общественных движений, представители различных религиозных конфессий, профессиональные социологи, политологи, философы, юристы, представители других социогуманитарных наук высказывают свои, порой противоположные, взгляды на эту проблему. Зачастую частная позиция высказывается в форме панацеи.

Впрочем, в подавляющем числе случаев признается, что экстремизм – это разрушение, произвол. «В основе возникновения мотивированного насилия вообще и экстремизма в частности всегда лежит противоречие, столкновение интересов в социальной и политической сфере» [2, с. 111]. Если в регулярной социальной практике столкновение интересов преодолевается с помощью дискуссий, убеждения, компромисса, то экстремизм сопровождается целенаправленным прямым давлением, насилием.

Необходимо понимать, что экстремизм является идеологией разрушения, идеологией, поражающей нормальный ход социокультурной динамики. Еще недавно молодежь стала воспринимать Российское государство стабильным, успешным, стремительно развивающимся, и укрепляющим свои лидирующие позиции в мире. Сейчас это общество стало уязвимым, в период мирового экономического кризиса, когда миллионы людей потеряли работу, или должны отдавать кредиты. Основным источником девиантного поведения можно считать социальное неблагополучие граждан. Тревожной ситуацией могут воспользоваться заинтересованные стороны, что будет способствовать социальному взрыву.

Как показывает практика, большая часть активистов экстремистских молодежных организаций – это выходцы из неблагополучных семей. Также «учеными выделено несколько групп факторов агрессивного поведения молодежи, в частности, биолого-генетические, индивидуально-психологические особенности личности, специфика

воспитания, роль средств массовой коммуникации» [1, с. 96]. Есть основания утверждать, что может быть поднята протестная волна, к которой может примкнуть молодежь. Очень часто молодые люди рекрутируются экстремистскими и террористическими организациями для выполнения абсолютно конкретных и четких задач, направленных отнюдь не на созидание, а на разрушение.

Определенная экстремистская идеология направляет мысли и действия человека, так как она дает оценку существующей социальной реальности, в зависимости от концепции этой идеологии, например: философская, религиозная, нравственная, эстетическая, политическая и правовая. Экстремистская идеология – программа преодоления острого конфликта между интересами конкретной социальной группы и ее оппонентов для выхода этой группы из нетерпимого для себя социального положения.

Некоторые характерные особенности экстремистской идеологии: установка на немедленное исправление мира и людей, суровый и извращенный кодекс личного поведения, требующий от человека чрезвычайных поступков и жертв; доступный набор догм, идея абсолютной истинности именно этой идеологии, идея агрессивной нетерпимости относительно всех идеологических конкурентов; деление людей по признаку «свои \чужие», «друзья \враги». «Экстремисты нетерпимы к тем гражданам России, которые принадлежат к другим социальным группам, этносам и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей».[3]

Таким образом, современный мир способствует свободному передвижению, широкому доступу к средствам коммуникации, новым технологиям. В то же время, это способствует манипулированию сознанием молодых людей, нагнетанию негатива, формированию разрушительных социально-психологических установок. Развитие экстремистских настроений у молодежи – это процесс, связанный с информационной войной, борьбой идей, идеологий, мировоззрений; столкновением финансовых и геополитических интересов. В этой связи, следует формировать четкую, научно обоснованную государственную политику противодействия молодежному экстремизму как угрозе национального масштаба.

Литература

1. Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации// Социологические исследования. 2003, № 4
2. Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления// Вестник МГУ. С. 12. Политические науки.
3. Убережь молодых от экстремизма/ Парламентское обозрение. 2006. 11. № 18 (34).
Режим доступа свободный:
http://www.council.gov.ru/inf_ps/parlisurvey/2006/11/45/item1561.html

Испанская социология: история и современность

Батрак Д.А.

Студент

*Тюменский Государственный Университет, Международный Институт Финансов,
Управления и Бизнеса*

специальность Социология, Тюмень, Россия

E-mail: mdarina@mail.ru

В настоящее время испанская социология занимает видное место в европейской социологии. Международная социологическая ассоциация на Монреальском XIV Всемирном Конгрессе в 1998 году включила испанский язык в число официальных языков ассоциации. На современную мировую арену испанская социология вышла в 1990 году, когда в Мадриде прошел XII Всемирный Социологический Конгресс на тему

«Мировая социология: единство и разнообразие». Крупнейшей организацией, вокруг которой концентрируется вся социологическая деятельность Испании, является Испанская Федерация социологии. Она была основана в конце 70-х годов по инициативе известного испанского социолога Д. Сальвадора Хинера (1986-1990). В настоящее время в Испании исследования ведутся по отраслям военной социологии, социологии здоровья, культуры, организации, окружающей среды, миграций, гендерной социологии и др. [2, С. 83]. Во всем мире на сегодняшний день насчитывается около 3.000 испанских социологов. В феврале 1991 года Испания стала членом международной социологической ассоциации, где перед испанской социологией были поставлены две задачи: интеграция и укрепление Европейской Социологии; коммуникация и интеграция социологии на испанском языке с обеих сторон Атлантического океана.

При написании работы использовались первоисточники на испанском языке. Целью работы являлось изучение процесса становления испанской социологии, определение её места на мировой арене, сопоставление школ испанской социологии с известными для российских социологов направлениями социальной науки, а также выделение особенностей концептуального аппарата и основных социологических проблем работы Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»

Для отражения современного состояния испанской социологии как науки, использовалась классификация школ испанской социологии Иисуса Ибанеза [4, С. 63], который выделяет два критерия классификации: направление и объект социологии. Составленная нами система координат, где все направления современной социологии в Испании располагаются по отношению к трем осям: речь, действие и структура, - дала более наглядное представление о данной классификации.

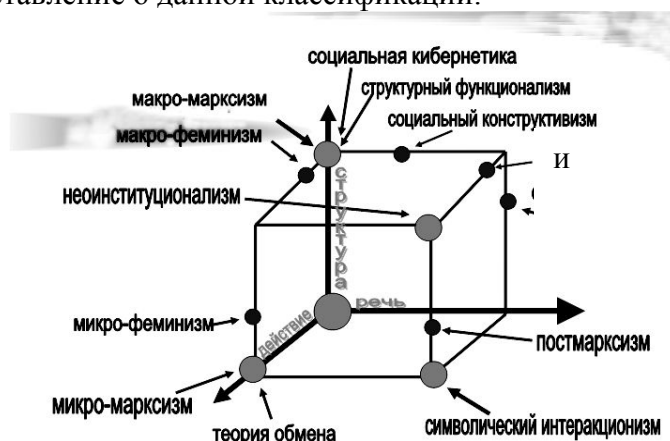

Рис. 1. Направления современной испанской социологии

Одной из задач работы являлось сопоставление школ испанской социологии с известными направлениями социальной науки в России. Разъясним некоторые полученные параллели. Макрофундаментальный марксизм известен в нашей стране как «сциентистское направление» марксизма, предлагавшее поднять марксизм на высокий научный уровень, очистив его от абстрактного философствования. В данное направление входят «структуралистский марксизм» (Луи Альтюссер), Гальвано делла Вольпе (1895—1968) и его последователи, а также аналитический марксизм (80-90е гг. 20 в. Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер и др.) [3, С. 86]. Социальный конструктивизм — социологическая теория познания, развитая Питером Бергером и Томасом Лукманом в их книге «Социальное конструирование реальности» (1966). Эта теория рассматривает пути создания людьми социальных феноменов, которые институционализируются и превращаются в традиции.

Рассмотрев творческий путь одного из самых известных испанских социологов современности Мануэля Кастельса, мы выделили для анализа его монографию «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», которая посвящена всестороннему анализу фундаментальных цивилизационных процессов, вызванных к жизни принципиально новой ролью в современном мире информационных технологий [1, С.10]. Интеллектуальными источниками концепции, предложенной М. Кастельсом в данном произведении, явились несколько авторов: Ален Турен и Дэниэл Белл, а также марксистский теоретик, Никос Пуланцас. Работа М. Кастельса представляет собой целостную теорию, которая позволяет оценить фундаментальные последствия воздействия революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности, на современный мир. Данная теория основывается на стройном концептуальном аппарате, основные понятия которого мы раскрыли в нашей работе: универсальная социальная структура, информационализм, этатизм, информациональная и информационная экономика и др.

«Информационная эпоха: экономика, общество и культура» основана на техноэкономической парадигме, согласно которой информация является сырьем, новые технологии отличаются всеохватностью эффектов, а в любой системе или совокупности отношений, использующей эти новые информационные технологии, присутствует сетевая логика. Специфика исследовательского подхода автора заключается в том, что М. Кастельсу чужд примитивный технологический детерминизм. Автор монографии опирается на марксистский подход, продолжая намеченную в набросках К. Маркса к "Капиталу" идею о производственных системах и производственных революциях.

Особенности творческого пути М. Кастельса, а также процесса становления социологии в Испании, позволяют нам сделать вывод о том, что современная испанская социология представляет собой синтез ведущих направлений европейской социологии с мощной базой для теоретических и прикладных исследований, а также с высококвалифицированными социологами, работающими над соединением европейской социологии с социологией стран Латинской Америки.

Практическая значимость работы может быть понята как возможность развития сотрудничества российских социологов с социологами Испании и стран латинской Америки, которое на сегодняшний день необычайно актуально. Социология в Испании формировалась в переходный период развития страны, поэтому опыт построения общества, его анализа в тех условиях может быть трансформирован на Российскую действительность. Это касается, как структуры общества, так и самой социологии как науки.

Литература

1. Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М.: ГУ ВШЭ, 608 с.
2. Entrevista con Víctor Pérez Díaz (2007) // Cuenta y razón del pensamiento actual, N° 31, pags. 81-92
3. Fernando Avarez-Uria (2002) Sociologías de la cárcel // En Archipiélago N° 3, pp. 83-87.
4. Jesus Ibanez (2004) Por una sociología de la vida cotidiana // Ed. Siglo XXI, Madrid, pp. 62-24.

Идентичность и субкультура: к вопросу об определении концептуальных понятий и выделении переменных в признаковом пространстве

Бесчастная Н.А.

Студентка

Кубанский государственный университет,

факультет истории, социологии и международных отношений, Краснодар, Россия

E-mail: degnev20@rambler.ru

Трансформационное состояние российского социума на рубеже XX - XXI вв. обусловило необходимость научного осмысления проблемы самоопределения личности в новой социальной реальности. В настоящее время российское общество представляет собой многоуровневое идентификационное пространство с разнообразными моделями идентификационных стратегий граждан. Динамика идентификационных предпочтений и побуждений служит своеобразным индикатором состояния общества в целом и его отдельных компонентов. Именно поэтому в последнее время в российском обществе усиленный интерес со стороны ученого сообщества проявляется к проведению эмпирических исследований в области гражданской, социокультурной, этнической, политической и территориальной идентичности.

В условиях, когда общество не стабильно, изменчиво и дифференцировано, всё большую значимость приобретает идентичность инструментального плана. В связи с этим возникает необходимость в изучении идентичности, конструируемой в поле взаимодействия различных субкультурных практик. В частности, той специфики, что присуща для социально-регионального пространства в Краснодарском крае, где очень сильное влияние имеет субкультура кубанского казачества.

На начальном этапе изучения этой проблемы мы исходили из необходимости наметить теоретико-методологическую линию социологического исследования феномена субкультурной идентичности. Действуя в рамках поставленной цели определили круг и содержание понятий вовлеченных в теоретическое моделирование феномена идентичности и процессов идентификации.

Субъект идентичности. Личностные свойства и характеристики, содержащие идентификационный потенциал, проявляющиеся в готовности личности к интернализации содержательных и демонстрационных черт объекта идентичности.

Объект идентичности и идентификационная матрица Свойства, характеристики отдельных личностей и групп личностей, в отношении которых совершаются социальные действия, наполненные идентификационным смыслом.

Процесс идентификации. В ходе обмена действиями, производимыми в идентификационном поле, выстраиваются взаимодействия, создаются отношения, регулируемые институтами, происходят изменения, связанные с обретением субъектом того или иного качества идентичности как личностного и социально-группового свойства.

Идентичность представляет собой достигнутую и воспроизводимую систему социальной связи субъекта идентичности с его объектом, посредством которой создается и реализуется их тождество по основным нормативно-ценностным параметрам жизнесуществования.

Идентичность всегда конкретна и она конструируется. Поскольку она обретается субъектом, то происходит своеобразная примерка, подгонка тех «одежд», «обуви», «аксессуаров», внешнеимиджевых характеристик, что принадлежат объекту идентификации. На каждый данный момент состояния социокультурного контекста идентификационных процессов его объект предлагает потенциальному субъекту некий набор идентификационных признаков и черт. Набор включает константы, посредством которых образуется видовая определенность идентичности. Вместе с тем, в нем достигнуто соединение достаточно большого числа вариаций, создающих возможности выбора и индивидуально-личностной адаптации существующих образцов.

Субъект идентификации действует не механистично, приобретая все то, что ему предлагается. Он обладает правом и использует возможности выбора из всего конкретного многообразия идентификационных предложений.

Идентификационные процессы реализуются как индивидуальные и групповые стремления к общности и связанности с другими индивидами и социальными группами. Эти стремления обусловлены общевидовой потребностью человека в коммунитарном, солидарном существовании.

На выбор объекта идентичности влияют, прежде всего, свойства и характеристики группы, определяемые субъектом как привлекательные, а обладание ими рассматривается как необходимость, с точки зрения представлений об их полезности для удовлетворения тех или иных потребностей. В связи с этим, при определении идентификационной ориентации приобретают большее или меньшее значение в ее объекте такие признаки как: характер и вид группы; принципы и критерии объединения группы; задаваемые группой физический и моральный образцы; цели, задачи деятельности и функции группы; принадлежность к территории; культурные характеристики (идеология, религия, язык); отличительные черты группы в виде ее реальных и мифологических достижений, создающие ее этноцентричное определение себя; психосоциальное состояние группы, находящее свое отражение в сплоченности группы; статус группы; авто- и гетерохарактеристики черт членов группы, существующие в виде авто- и гетеростереотипов. В качестве идентификационных ориентиров, определяемые как признаки выступают также ценности, предметы и символы, вокруг которых и посредством которых происходит объединение и функционирование групп: помещения, знаки, печати, знамена названия, награды; органы управления, личности лидеров, приобретающие символическое значение.

Одним из необходимых условий обретения той или иной идентичности является конкретная включенность личности в реальные практики социальных групп, определяемых как объекты идентичности. Деятельная интеграция в практики создает полноценные возможности самореализации в соответствии с принимаемой идентичностью. Важнейшими элементами социальных практик выступают: социальная среда; индивид /общность; коллективные согласованные действия и взаимодействия; наличие системы определённых правил, процедур и моделей поведения; интенции, намерения, цели; средства, ресурсы и технологии, традиционный способ работы с ними. Обратим внимание на то, что в действиях субъектов идентичности, в большей или меньшей степени, присутствует творческий подход к восприятию содержания практик, л

В то же время они обладают различным уровнем способностей и готовности к интернализации того, что предлагается конкретными практиками. Каждый актор вносит что-то свое, новое в уже существующие образцы и модели поведения, одновременно видоизменяя их и себя. В то же время существуют различного рода ограничения и пределы, влияющие на качество обретаемой идентичности.

Обобщая различные подходы к пониманию сущности практик можно выделить их следующие признаки: всегда «единичны и экстериторны» (П. Бурдьё); имеют двойственный характер: являются основанием для сплоченности и солидарности и элементом для дифференциации от других; подвержены изменениям; связаны с пониманием и осмысливанием сути проблем (М. Фуко); типичны и интерсубъективны (Ю. Хабермас); основаны на совместных действиях и навыках индивида, культуры конкретного общества (Л. Витгенштейн); представлены жизненным миром индивида через деятельность по достижению общезначимых целей (А. Шюц).

На базе разработки признакового пространства, выявления конкретных индикаторов идентификации, идентичности и идентификационных процессов, имеющих место в поле социальных практик такой субкультурной группы как кубанское казачество, нами создана познавательная модель изучаемого явления, которая апробируется в социологическом исследовании.

Миграционные процессы в условиях глобального кризиса: методологические вызовы социологическому сообществу

Блинова Марина Сергеевна

*Ассистент кафедры истории и теории социологии социологического факультета,
кандидат социологических наук*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mblinova@yandex.ru

Начиная с 80-х гг. XX в. мировое научное сообщество занялось прогнозированием глобального кризиса, началом которого явилась сложность отражения реальности в социально-гуманитарных науках. Однако недостаточность методологической и фактологической базы не позволили предопределить все проявления мирового коллапса, что привело к тому, что в момент развития кризисной ситуации она являлась непредсказуемой, без определенных стратегий выхода из нее, как локальных, так и общемировых. Одним из факторов, способствовавших разрастанию кризисных явлений в общемировом масштабе, явилась мобильность финансовых, товарных потоков, а также потоков глобальных трудовых ресурсов. Изменившееся значение миграции в широком смысле слова, не нашло отражения ни в правовой, ни в социокультурной сферах общественной жизни, что привело к шоку, который вызвал панические явления на мировых рынках.

Приходится признать, что мировое социологическое сообщество не обладает достаточными методологическими основаниями для исследования и прогнозирования подобных кризисных явлений. Наиболее актуальной проблемой является разработка новых теоретических подходов к исследованию миграции населения в условиях глобализации.

Мобильность людей является одной из ключевых движущих сил глобальных изменений. Перед социологическим сообществом встает проблема исследования не только международной миграции, но и внутренней, которая предстает как механизм преодоления социальной напряженности, а также как стратегия выживания для населения многих стран мира. В то же время стоит отметить, что миграционные исследования становятся амбивалентными. Вопросы регулирования миграции, интеграции мигрантов, увеличения миграционных связей и сетей мигрантов становятся политизированными, тогда как исследования миграции должны быть, прежде всего, социально значимыми как для самих мигрантов, сообществ мигрантов в принимающих, отдающих странах, для гражданского общества и государства. Они должны быть составной частью фундаментальных исследований процессов социальной трансформации в контексте увеличивающейся интеграции экономических, политических и социальных отношений, а не становится административным инструментом политиков.

Глобальный кризис бросает социологическому сообществу методологический вызов. Ключевым фактором социологического анализа современной миграции выступает социальная трансформация, которая ведет к коренным изменениям в организации обществ, массовым сдвигам в экономической, политической, культурной и других областях. Понимание миграции как интегральной части социальной трансформации – важнейшее условие для разработки адекватного теоретико-методологического конструкта. К новейшим социологическим теориям миграции можно отнести синтетическую теорию международной миграции Д. Массея [1], теорию миграционных систем М. Критц [5], концепцию транснациональной миграции [4]. Как полагает британский социолог С. Каслз, новые теоретические подходы к исследованию миграции корреспондируют с основными тенденциями, наметившимися в современной социологической теории (преодоление дихотомии структура-действие). Основная цель социологического анализа – представить миграционные исследования как центральный

аспект в изучении глобальных изменений, т.к. кросс-граничная мобильность представляет собой один из основных показателей глобализации [3].

Исходя из вышесказанного, кратко охарактеризуем основные требования к новому теоретическому подходу в исследовании миграции в условиях глобального кризиса:

– анализ формы и объем мобильности людей на всех уровнях в условиях глобальной взаимосвязности социального пространства;

– исследование транснациональных, кросс-граничных процессов и их социальных последствий, а также перехода от иерархичного к сетевому принципу организации социального пространства;

– изучение воздействия процессов глобальной трансформации на различных спатальных уровнях (локальном, региональном, национальном и глобальном);

– отказ от общих теорий абстрактного характера высокой степени теоретизации [6].

Основными методологическими принципами являются следующие: междисциплинарность; доминирование качественных, а не количественных методов исследования; исторический подход; сравнительный подход; принцип холизма; транснациональное измерение социальной трансформации как основной фактор миграции; многоуровневый анализ (исследование миграции с позиции учета локальных, региональных, национальных и глобальных моделей социальных отношений); учет, так называемого, «человеческого фактора» (социальное действие и социальные институты) [2].

Ключевыми принципами в организации исследований миграции должен стать сетевой принцип как основной способ глобального взаимодействия исследователей, работа с представителями гражданского общества, а также международное сотрудничество в преодолении концептуальных исследовательских лакун.

Таким образом, основным направлением преодоления внутреннего научного кризиса является разработка стратегии отражения изменившейся социальной реальности, а миграционные исследования во многом определяют теоретико-методологический мэйнстрим современной социологической науки.

Литература

1. Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2002. Вып. 10.
2. Castles S. Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation // Sociology. 2003. Vol. 37(1). P. 29.
3. Castles S. Migration and Social Transformation. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 11.
4. Glick S.N. Building a Transnational Perspective on Migration / Transnational Migration: Comparative theory and Research Perspectives. An informal workshop. Oxford, England. 2000.
5. Kritz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. (eds.) International migration systems: A global approach. Oxford: Clarendon Press, 1992.
6. Portes A. The hidden abode: sociology as analysis of the unexpected // American Sociology Review. 1999. P. 651-718.

Классификация циклов социальной системы и их взаимосвязь: структурно-функционалистический подход

Бондарчук А.И.

Аспирант кафедры финансов

Киевский Национальный Университет Технологий и Дизайна,

Инженерно-экономический институт, Киев, Украина

Каждая социальная система – это органическое единство статики социальной структуры и динамики ее развития. Как известно, существуют два подхода к анализу социальной динамики – линейный (эволюционный) и циклический (спиральный). Логика этих двух концепций сводится к следующему: 1) Джордж Ритцер в разделе про Спенсера пишет: „Он [Спенсер] полагал, что прогресс общества направлен в сторону *идеала*, или совершенного, *морального состояния*” (курсив – А.Б.). [1, ст..57]. 2) Юрий Яковец уточняет: «Нередко называют и другие формы движения – линейная, ритмическая, хаотическая. Но если присмотреться внимательнее, то оказывается, что это лишь частичные случаи, элементы определенных фаз циклов разной длительности или взаимодействие циклов, либо поточные случайные флуктуации в их динамике. Линейное движение возможно на фазе эволюционного развития, но оно не бесконечно, бесповоротно заканчивается кризисом, переходом к *новому состоянию системы или к новой системе*» (курсив – А.Б.). [2, ст.14-15].

То есть линейная схема движения – это частичный случай циклической. Но с другой стороны циклические флуктуации сами собой тоже образуют некий линейный тренд. Поэтому траекторию движения общества можно так же условно назвать циклично-спиральной, где под спиралью понимается тренд, который в свою очередь тоже образует некий цикл – такая диалектика социальной динамики. Что же может быть индикатором определения хода движения общества и какова же логика динамики социальной системы? Ответ на этот сложный вопрос равен ответу на вопрос «Какова конечная цель развития человечества?», то есть лежит в области высших идеалов общественной морали. На наш взгляд, эту дилемму развития общества можно частично объяснить с помощью структурно-функционалистической AGIL-схемы Т.Парсонса.

Понятие «функции» Парсонса включает как социальную статику (структуру), так и социальную динамику: „...категория функции – связующее звено между структурными и динамическими аспектами системы. Я предполагаю, что основные функциональные императивы любой системы действия (и, стало быть, социальной системы) могут быть сведены к четырем императивам которые я назвал сохранением образца, интеграцией, достижением цели и адаптацией. Эти требования перечисляются в порядке убывания значимости с точки зрения кибернетического управления процессами действия в системе рассматриваемого типа”. [3, ст. 565]. Упрощенно эти 4 функции социальной системы называют AGIL-схемой Парсонса (которую, на наш взгляд, можно условно назвать социально-функционалистическим вариантом пирамиды потребностей Маслоу):

Adaptation. Функция адаптации общества к новым условиям (удовлетворение базовых физиологических потребностей за Маслоу). Эту функцию обеспечивает **экономическая структура** общества. **Goal-streaming.** Достижение цели. Удовлетворение следующих после базовых потребностей – в защите, уважении, признании. Это, на примере модели шоковой терапии стран СНГ, формирование основных игроков на рынке (создание финансово-промышленных групп) и политическая борьба между ними. Эту функцию обеспечивает **политическая структура** социальной системы. **Integration.** Интеграция достигнутых целей в определенную **нормативно-правовую структуру**. **Latent pattern maintenance.** Сохранение (старого или появление нового) латентного образца – морали, идеалов, обычаев, традиций и т.д. – **морально-культурной структуры**. За пирамидой Маслоу, это удовлетворение высших потребностей – в самоутверждении, самосовершенстве.

Основываясь на AGIL-схеме Парсонса и принимая во внимание, что концептуально «функция» предполагает и социально-динамический аспект, можно предложить новую классификационную схему циклов социальной динамики:

“**А-циклы**” (адаптационные или циклы адаптации социальной системы) – те, что относятся к колебаниям параметров экономической структуры социальной системы. Это, например 50-летние К-волны (циклы рыночной конъюнктуры Кондратева), 20-25-

летние циклы Казнеца (зависят от амортизации основных фондов, ипотеки и т.д.), 10-12-летние циклы деловой активности Жюгьяра.

“G-циклы” (циклы достижения целей социальной системы) – политические циклы, такие как периодическая смена форм правления (за Аристотелем) или смена политических режимов (как “лисы” и “львы” у Макиавелли). Циклические колебания могут проявляться в показателях, что характеризуют степень государственного вмешательства в экономику, например, через долю государственной собственности в структуре форм собственности отдельной страны или через процент государственных дотаций в бюджетной структуре. Новый курс Рузвельта versus рейганомика в США или НЭП Ленина versus политика “раскулачивания” Сталина в СРСР – все это примеры “G-циклов”, хотя, возможно, и поверхностные и требуют более тщательного изучения. Максимальный период G-циклов предположительно больше от максимального периода экономических циклов (скажем, K-волны)

“I-циклы” (интеграционные, или циклы интеграции социальной системы) – те, что касаются периодической смены юридических или даже конституционных норм. Период таких циклов может измеряться, например, сроками между принятием 2 последовательных Конституций в обществе. Поскольку, следуя за Т.Парсонсом, функция интеграции с точки зрения социального контроля и управления социальным действием более значима, чем A- и G-функции, то и поле действия, и максимальный период I-циклов больше, нежели у A- и G-циклов.

“L-циклы” (идеологично-моральные или циклы культуры) – периодические колебания элементов идеологической подсистемы или целой социальной подсистемы “L”. Например, циклы социокультурной динамики Питирима Сорокина касались периодической смены основных систем истины – идеациональной и сенситивной [4]. L-циклы «длиннее» предыдущих и вымериваются столетиями или даже тысячелетиями (Шпенглер, Тойнби).

Такая классификация близка к той, которую Ю. Яковец называет классификацией циклов за полем действия, но имеет более узкий сугубо социально-системный контент [2, ст.20].

Понятие циклических колебаний тесно соотносится с понятием отклонения системы от равновесного состояния, и одной из фаз цикла есть кризис. При этом можно предложить такую гипотетическую схему взаимосвязи и взаимодействия циклов динамики социальной системы. После состояния общественного достатка и равновесия наступает рецессия A-цикла (экономическая), которая влечет за собой кризис (отклонение от равновесия) всех подсистем социальной системы. С точки зрения экономистов одним из необходимых условий выхода из кризисного состояния есть инвестиции в *инновации*. То есть фаза кризиса влечет за собой смену старого новым. В результате реструктуризации экономики актуализируется G-цикл – развитие *новой* политической структуры общества. На определенном этапе «давления» политического цикла, происходит “толчок” на уровне I-цикла – интеграция общества в виде *новой* законодательно-правовой структуры. На примере Оранжевой Революции в Украине, как раз слово высшего «интеграционного» органа – Верховного Суда Украины – развязало политический кризис. Но все эти процессы, пока они не затрагивают «институтизированной нормативной культуры» - суть лишь отклонения от социального равновесия. Парсонс называет такие процессы, когда L-функция не изменяется при изменении A-, G- и I-функций социальной дифференциацией: «...нарушение равновесия может вести к структурному преобразованию, которое является нежелательным с точки зрения норм более высокого порядка» [3, ст.562]. Социальная система считается полностью измененной (трансформированной) только тогда, когда меняется L-функция – общественная идеология, мораль, традиции и т.д.

Практический вывод может быть такой: пока страны СНГ не выработают свои собственные новые нормативно-культурные образцы, то есть национальные культуры,

все процессы демократической трансформации общества (экономической, политической, правовой) будут считаться лишь временными отклонениями от социальной системы старого образца, а сами страны так и не станут независимыми и полноправными социальными системами.

Литература

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002.
2. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999.
3. Т. Парсонс. Очерк социальной системы // О социальных системах. – М.:2002. – С. 543-686
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – СПб., 2000
5. Программа курса “Экономические циклы, кризисы и антикризисная политика” - Киев: НаУКМА, 2000.

Глобальный кризис как результат флуктуации экономических условий

Вершинина И.А.

старший научный сотрудник, канд. социол. наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: inna_ver@rambler.ru

Современный этап развития человечества характеризуется глобализацией общественных процессов, мировой экономики и многих других явлений. Это означает, что в современную эпоху человечество входит в единую систему социально-экономических, политических, культурных и иных связей и отношений.

Глобализация оказала воздействие на все сферы жизнедеятельности современного общества. Ее роль в современном мире огромна, она влияет как на события мирового масштаба, так и на нашу повседневную жизнь: «Глобализация перестраивает наш образ жизни, и весьма основательно. Она надвигается с Запада, несет сильный отпечаток экономического и политического могущества Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям» [2; с. 19-20].

Глобализация в экономической сфере предполагает рост взаимозависимости различных секторов мировой экономики, которая проявляется в том, что развитие и стабильность одной экономики становятся невозможными без развития и стабильности других экономик.

В последнее время все чаще можно услышать разговоры о необходимости регулирования международного экономического пространства, мировые финансовые рынки сравниваются с чудовищем, которое нужно поставить на место. Главная роль в этом процессе отводится организациям, возникшим после подписания Бреттон-Вудских соглашений. Несмотря на кризис Бреттон-Вудской системы, институты, созданные в ее рамках, МБРР, МВФ, Всемирный банк и ГАТТ, преобразованная в 1990-х гг. в ВТО, продолжают оказывать существенное влияние на мировую экономическую систему. Причем некоторые полагают, что власть их, наоборот, возросла [1; с. 226], но проблема заключается в том, что она используется преимущественно в интересах отдельных игроков мирового экономического пространства. Международные организации становятся все менее подконтрольными каким-либо социальным силам и национальным государствам. А следовательно их действия оказываются не всегда столь эффективными, как хотелось бы в условиях стремительно меняющегося мира.

Усиление роли международных организаций сегодня необходимо во многом вследствие того, что мировая экономическая система, управляемая виртуальным капиталом, оказалась очень нестабильной, склонной к кризисам, которые в условиях глобализации быстро становятся мировыми. Во время финансовых кризисов надежды на

их урегулирование возлагаются не на невидимую руку рынка, а на государство, власть которого стремительно снижается: «Интернационал больших денег постоянно подрывает именно то, к чему он в отчаянии обращается во времена кризисов, а именно: способность национальных государств и их международных учреждений предпринимать эффективные действия» [3; с. 133]. По крайней мере, экономический кризис, резко обрушивший фондовые рынки всего мира в середине сентября 2008 г. и продолжающийся в 2009 г. свидетельствует именно об этом.

Нынешний кризис называется самым масштабным со времен Великой депрессии. Причем со времени последнего мирового кризиса прошло не так много времени: азиатский кризис, также затронувший экономики всего мира, разразился чуть более 10 лет назад – в 1997-1998 гг. В чем причина столь нестабильной ситуации в современном мире?

Если обратиться к теории социокультурной динамики П.А. Сорокина, 120 лет со дня рождения которого отмечается в 2009 г., то можно сделать вывод о закономерности тех кризисов, которые сотрясают человечество в последние годы. Согласно П.А. Сорокину, человечество вступило в фазу заката чувственной культуры, главным носителем которой является торгово-капиталистическая буржуазия [4; с. 668]. На стадии упадка чувственной культуры класс капиталистов выполняет роль мощного динамита для основы, на которой сам стоит, ввергая весь мир в череду кризисов. Распад чувственной суперсистемы должен сопровождаться падением уровня производства, снижением уровня жизни и депрессиями. Это закономерный результат перехода от одной культурной системы к следующей. Кризис может быть преодолен лишь с отходом от ориентации на материальные блага и обращением к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям. Человечество, очистившись трагедией, которая поможет разрушить чувственную суперсистему, начнет возрождаться благодаря идеациональной или идеалистической культуре.

Литература

1. Бугалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2007.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
3. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

Культур-капитальный дизайн социокультурных неравенств: концепция косвенного измерения

Голиков А.С.

аспирант, старший преподаватель кафедры социологии

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail: serg-ich@mail.ru

Современные процессы дифференциации и «феодалного раздробления» социокультурных неравенств, при которых каждый актер становится полновластным сюзереном собственных капитальных ресурсов, слабо контролируемым макросистемами неравенств, настоятельно требуют от исследователей смены парадигмального дизайна и исследовательской стратегии в отношении данной проблематики. Одной из таких попыток является концепция капитального анализа социокультурных неравенств, предложенная в том числе в структурном конструктивизме.

Одной из ключевых в данной концепции является проблема определения и измерения культурного капитала. Главной идеей нашей работы мы видим предложение измерять культурный капитал не напрямую и не посредством одного главного индикатора, а опосредованно, через целую систему индикаторов, которые позволяют

учитывать процессы индивидуализации социального пространства и превращения стратификационной системы в гетерогенный набор полей. **Целью** нашей работы является создание и верификация такой системы индикаторов, которая бы позволяла наряду с прямыми измерениями культурного капитала проводить и косвенные. **Объектом** является феномен культурного капитала, **предметом** – измерения и проявления культурного капитала.

Процесс культуркапитализации (то есть обретения культурного капитала актором) не ограничивается исключительно деятельностью актора по инкорпорированию социально конвенционных ресурсов с последующим превращением их в культурный капитал. В данном процессе некоторые из инкорпорированных ресурсов неизбежно оказываются некапитализируемыми, вследствие чего они оказываются вне того аналитического конструкта, который мы обозначаем как «культурный капитал» (каковой мы понимаем как, во-первых, результат социальных конвенций, и, во-вторых, как обладающий рядом свойств, позволяющих выделить его из ряда других культурных ресурсов). При этом в инкорпорирование этих ресурсов актор также инвестирует определённый бюджет времени. Именно поэтому, с нашей точки зрения, мнение Бурдье, что *«наименее неточными измерениями культурного капитала являются те, которые в качестве стандарта избирают временную продолжительность приобретения искомым свойств – конечно, при условии, что последняя не сводится к продолжительности обучения в школе, а принимается во внимание также и более раннее домашнее образование»*, является нерелевантным во всяком случае украинской социокультурной реальности: бюджет времени может быть инвестирован как в ресурсоёмкие виды деятельности (результат которых потом при определённом стечении обстоятельств может быть трансформирован в капитал), так и в ресурсомало- или ресурсонесодержащие виды деятельности (результат которых не является потенциальным капиталом). В качестве иллюстрации мы можем привести цели использования сети Интернет, которые дифференцированы у разных академически успешных групп в исследовании (анкетный опрос 2005-2007 годов, выборка составляет 3057 студентов, репрезентативна для Украины).

В первом случае мы будем говорить, что сформированы *сателлитные культурные ресурсы* (в случае с культурным потреблением, например, это знания в сфере художественной литературы, поэзии, высокого искусства, чтение научно-популярной литературы и проч.), во втором – что сформированы *субститутные культурные ресурсы* (которые не функционально, но хронотопно заменяют в габитусе индивида капитальные и сателлитные ресурсы), которые в актуальной социокультурной системе векторно противоположны культурному капиталу (знания в области литературы «лёгкого жанра», использование Интернет для развлечений и скачивания рефератов и проч.). Последние могут быть трансформированы в культурный капитал, но не в доминирующем на данный момент социокультурном порядке (то есть при переориентации вектора культурного капитала, например). Это позволяет разделить некапитальные культурные ресурсы по качественному признаку (направленность относительно массива культурного капитала), и лишь затем измерить их количественно.

Следующим косвенным (латентным) результатом процессов культуркапитализации является *формирование ценностно-нормативной системы*. Вследствие того, что объём и качество культурного капитала кардинальным образом влияет на неё, многие исследователи включают её в структуры культурного капитала. Однако у культурного капитала есть ряд свойств, которые не позволяют в полной мере считать ценностно-нормативную систему элементом культурного капитала. Хотя фактором (вос)производства и – одновременно – до определённой степени индикатором количества и качества культурного капитала она безусловно является. Более того, именно ценностно-нормативная система является одним из главных механизмов влияния семьи на культурный капитал личности, а также единственным долгосрочным

фактором его (ре)продукции и конвертации (все остальные факторы – повседневность, экономический и социальный капиталы – являются кратко- или среднесрочными).

Производными от ценностно-нормативной системы являются также *эманации культурного капитала* – поведенческие и вербальные проявления культурного капитала, выражающиеся в манифестации и реализации ценностно-нормативной системы. Эти эманации несут двойную нагрузку в нашей концепции: с одной стороны, они являются условием и фактором (вос)производства культурного капитала, - то есть одним из механизмов взаимодействия ценностно-нормативной системы и культурного капитала, с другой же – могут быть индикатором для качественного исследования культурного капитала

Таким образом, мы предлагаем изучать культурный капитал через ряд следующих индикаторов количественного исследования:

1) Академическую успешность актора как проявление компетентности актора вписыванию себя в системы социальных конвенций и как проявление успешности реализации культуркапитализационных стратегий (это единственный предложенный нами «некосвенный» индикатор, учитывая специфику исследовательского поля)

2) Структурные элементы личностной повседневности как шанс на обретение культурного капитала (что рассмотрено нами в других публикациях);

3) Сателлитно-субститутные ресурсы как капитально потенциальные или капитально бесперспективные ресурсы и как деятельностьную ориентацию (её процесс и результат) на определённое количество и качество капитала;

4) Реализуемые практики и стратегии как деятельностьная ориентация актора на определённое количество и качество культурного капитала;

5) Ценностно-нормативная система актора.

И индикаторы качественного исследования:

1) Вербальные эманации культурного капитала (каковая стратегия была нами однажды предложена уже – см. [2]);

2) Ценностно-нормативная и оценочная системы актора.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // доступно на http://www.ecsoc.msses.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf
2. Голиков А.С. Эманации культурного капитала в вербальном поведении актора (по результатам фокусированных групповых интервью) // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина: «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». – 2008. - № 800. – 208 с., с. 127-135.

Социализация призывников в армии сквозь призму символического интеракционизма

Дерновая А.В.

Студентка

Российский Государственный Гуманитарный Университет, социологический факультет, Москва, Россия

anja.dernovaya@mail.ru

Армия представляет собой организацию со строгими порядками, дисциплиной, субординацией, тотальным контролем над человеком. Попадая в армию, призывник должен адаптироваться к новым порядкам, пройти процесс социализации. С позиции символического интеракционизма этот процесс включает в себя элементы не только вторичной, но и первичной социализации.

Армию можно определить термином И.Гофмана «тотальная институция» [3]. Организация взаимоотношений в армии соответствует основным характеристикам тотальных институций. Во-первых, реализация всех аспектов жизнедеятельности в одном месте, под руководством единого начальника. Если в обычной жизни люди работают в одном месте, живут в другом, то в армии новобранцы проводят всё время в военной части (спят, едят, занимаются). Во-вторых, индивиды выполняют все виды деятельности вместе, не по одиночке. В армии новобранцы, солдаты организованы в отделения, взводы, роты. Все виды работ солдаты осуществляют коллективно, в рамках своего подразделения. В-третьих, все виды деятельности организованы строго по расписанию: в армии по расписанию встают, ложатся спать, едят и проходят обучение. В-четвёртых, вся деятельность, осуществляемая по принуждению, направлена на достижение главной цели институции. Цель армии по отношению к призывникам – с одной стороны, обучение, военная подготовка, с другой – приучение к дисциплине, подчинению.

С одной стороны, в армии призывник проходит вторичную социализацию [5]. Специфика вторичной социализации заключается в следующем [1]: усвоение специализированных знаний и словаря, формальные взаимоотношения, интериоризация подмира (социализация в сообществе, которое выступает подмиром по отношению к обществу в целом), «значимые другие» в процессе социализации выступают в роли институциональных функционеров (профессиональных специалистов), отношения с ними характеризуются высокой степенью анонимности, дистанцией, низкой степенью идентификации, процесс социализации организован профессионально (в нём принимают участие люди со специальным образованием, которые транслируют новые знания). Все вышеперечисленные признаки характерны для процесса социализации призывников в армии [5, 6]. Во-первых, новобранцы в ходе службы по призыву должны освоить определённый набор знаний, касающийся военного дела (это узкоспециализированные знания). Во-вторых, процесс военной подготовки призывников профессионально организован (проводится в специально отведённых местах под руководством профессионалов военного дела). В-третьих, на службе новобранец осваивает не только новые знания и навыки, но и специфику общения, принятую в армии (например, установленные формы обращения к старшим по званию). Строгая система иерархии, субординация, установленные и жёстко регламентированные нормы поведения становятся основой формальных отношений между новобранцами и военным составом. Дистанция между ними подчёркивается различиями в форме одежды. Согласно Дж.Г. Миду [4], для определённого этапа социализации (этапа вторичной социализации) взаимоотношения между людьми носят характер игры («game»), участники которой должны ориентироваться в своём поведении на действия других, знать правила игры и следовать им. В армии «правила игры», а фактически правила поведения, строго регламентированы специальными документами (Уставом), нарушения положений которого влекут за собой наказания.

С другой стороны, адаптация новобранцев, проходящих службу по призыву, носит характер первичной социализации. К основным характеристикам последней можно отнести: преобладание неформальных взаимоотношений, высокая степень эмоциональной идентификации с окружающими, отсутствие выбора (например, мы не имеем возможности выбирать своих родителей, в отличие, например, от школы), непрофессиональная природа взаимоотношений. Согласно Ч.Х. Кули, человеку для самоопределения, самоидентификации необходимы другие люди, вступление во взаимоотношения с ними (ответная реакция, одобрение, неодобрение). Проходя службу по призыву, новобранцы находятся в изоляции от остального общества. В таких условиях потребность в общении не может быть реализована в кругу семьи, друзей. На их место приходят неформальные взаимоотношения. Например, землячество, дедовщина [7], наличие неформальной иерархии, неформальная социализация (прохождение

позиций от «духа», до «деда»). Непрофессиональная природа взаимоотношений проявляется в выполнении различных видов деятельности, не связанных напрямую с военным делом (приготовление пищи, уборка).

Специфика прохождения службы по призыву заключается в том, что этот процесс содержит элементы как вторичной, так и первичной социализации. Это связано, прежде всего, с тем, что армия является «тотальной институцией», где взаимоотношения между людьми выстраиваются на основе субординации, в условиях изоляции от общества, строгой регламентации поведения.

Литература

1. Berger, Peter and Luckmann, Thomas (1991). *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. London: Penguin Books.
2. Cooley, Charles Horton (1983) *Human nature and the social order*. New York: Schocken Books.
3. Goffman, Erving (1990) *Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates*. New York: Doubleday
4. Strauss, Anselm (1977) *George Herbert Mead on Social Psychology*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
5. Агранат Д.Л. Вторичная социализация личности в военизированной организации. <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Agranat/>
6. Гуренко Е.Н. Два года «встроенного наблюдения» 1990. <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/293991.html>
7. Дьячук И.А. Нейтрализация неуставных отношений военнослужащих в социальных коммуникациях. <http://odnostalko.ru/library.html>

Анализ российской действительности в трудах Н. А. Бердяева и её сопоставление с современной действительностью

Жаброва Мария Владимировна

Студентка

Московский государственный лингвистический университет, ИМОиСПН,

кафедра социологии, Москва, Россия

E-mail: maryuse4ka@gmail.com

Рассматривая и анализируя современную нам действительность в призма религиозного сознания людей, представляется полезным и даже необходимым обращение к трудам религиозных философов первой половины XX века, так как, для более полного её понимания, необходимо рассмотреть исторические и духовные предпосылки.

Личность предлагаемого автора, Н. А. Бердяева, и его видение современной ему России дают возможность проследить историческое и духовное развитие страны, послужившее фундаментом для окружающей нас действительности. Так же представляется интересным сравнение прогнозов и упований Н. А. Бердяева с современной обстановкой в стране.

В работе анализ российской действительности в трудах Н. А. Бердяева проводится через обращение к таким понятиям как личность, христианство и история, государство и власть, социализм, революция, Россия и русский народ.

В ходе работы мы пришли к выводу о том, что Н. А. Бердяев во многом опережал свое время и видел то, чего не видело большинство. Он описал всю правду, с его точки зрения, своего времени и даже сделал некоторые догадки, которые оказались пророческими. Но, в целом, его упования на приход к «Новому средневековью» и рождение новой, мирской и свободной религиозности не нашли своего отражения в современной нам действительности.

Литература

1. Н. А. Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность./ Составление и комментарии В. В. Сапова – М.: Канон+, 1999 – 464 с. – (История философии в памятниках).
2. Н. А. Бердяев. Судьба России. – М.: Издательство В. Шевчук, 2000.- 320 с
3. Н. А. Бердяев. Духи русской революции. – М.: Изд-во Московского университета; СП "Ост-Вест Корпорейшн", 1990, 56-90.
4. Н. А. Бердяев. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990 – 270 с. (с издания YMCA PRESS, Paris, 1969).
5. Н. А. Бердяев. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М., 1991 г. Берлин: Обелиск, 1924. 143 с.
6. Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма.- М.: Наука, 1990. – 224 с.
7. Н. А. Бердяев. Русская Идея. – М.: Издательство В. Шевчук, 2000.- 220 с.
8. Моё философское мирозерцание. Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. Сост. А. А. Ермичев. СПб.: Издание Русского христианского гуманитарного института, 1994.- с. 23- 28.

Проблема смерти в психоанализе

Карасёв Дмитрий Юрьевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия
E-mail: DK89@mail.ru*

Проведённое исследование призвано внести ясность в одну из наиболее сложных и неоднозначных проблем психоаналитической теории – проблему смерти. Рассматривается эволюция данного проблемного поля в работах Фрейда, сквозь призму его метапсихологической концепции, которая социологична по своей сути и поэтому представляет живой интерес для социологической теории. Особенно интересно изменение научных взглядов самого Фрейда на инстинкт к смерти: начиная от агрессивного, неконтролируемого, смертоносного начала и кончая инстинктом ведущим организм особым путём к имманентной смерти, т.е. по сути являющийся защитником от неуёмного Эроса. Разработка принципа константности и определение константности как наивысшего удовольствия, и, следовательно, гедонистическое выведение регрессии за рамки жизни человека в некое филогенетическое пространство рода. Порядок и несочетаемость взглядов самого Фрейда на Танатос сквозь призму комплексов: Первичного нарциссизма, Эдипова комплекса. Попытка антропологически доказать существование влечения к смерти через изначально присущее человеку чувство вины, концепцию орды и убийства Первоотца.

Дальнейшая логика развития работы заключается в прослеживании эволюции темы смерти во фрейдистской и нефрейдистской традиции представителей Франкфурдской школы социальной критики в лице таких контрастных фигур, как Герберт Маркузе и Эрих Фромм. Первый из них фрейдист, критикующий всякие теоретические отступления от ортодоксального фрейдизма, а вторую же фигуру можно считать основоположником неопрейдизма как такового. Маркузе смотрит на концепцию Фреда сквозь теорию отчуждения молодого Маркса, заново переосмысливает и придаёт фрейдизму социологическую стройность и современную остроту. В частности идея исторической относительности устоявшегося принципа реальности, возможность построения не репрессивной цивилизации и главное – ошеломляющая гипотеза о том, что реальность может быть основана на инстинкте смерти, как следствие вытекающие из этого – неразрешимые в рамках современного общества противоречия и предрешённость самой репрессивной цивилизации. И, наконец, Эрих Фромм с его разделением

человеческого существования на основе двух принципов: бытия на основе обладания и бытия на основе становления. И соответствующее этим двум способам прекращение существования, т.е. смерть. Специфическое видение первородного греха и концепция некрофилии.

Данное теоретическое исследование ни в коем случае не ставило целью поставить точку в понимании феномена смерти в психоаналитической парадигме, а лишь только обозначить проблемное поле, проследить эволюцию проблемы, предложить какую-то интерпретацию и внести некую категориальную ясность в танатологический дискус психоанализа как направления социальной психологии.

Литература

1. З. Фрейд. «По ту сторону принципа удовольствия»: Прогресс; Москва; 1992
2. З. Фрейд. «Введение в психоанализ. Лекции». Москва, «Наука», 1995.
3. З. Фрейд «Мы и смерть» Рязанцев "Танатология". ТАНАТОЛОГИЯ. Сборник. - СПб.: ВЕИП, 1994.
4. Маркузе Г. «Эрос и цивилизация». Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова.- М: ООО "Издательство АСТ", 2002.
5. Э. Фромм. «Иметь или быть». Пер. с англ., Войскунская Н., Каменкович И., Комарова Е., Руднева Е., Сидорова В., Федина Е., Хорьков М., Изд. "АСТ", М., 2000.\
6. Э. Фромм. «Анатомия человеческой деструктивности». Пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. Изд. "АСТ", М., 2000.
7. Вагин. Ю. «Тифоанализ (теория влечения к смерти)». Пермь. ПОНИЦАА. 2003.
8. Ю. Бородай. Эротика—смерть—табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996 г.

Особенности социальной стратификации российского общества

Кириша Анастасия Александровна

Студент

Тюменский Государственный университет, факультет социологии, Тюмень, Россия

Nasik5_89@mail.ru

Глубочайшие изменения социальной структуры и стратификации, происходящие в российском обществе в последнее десятилетие, стали предметом пристального изучения ведущих отечественных социологов. Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное, устойчивое явление. По-прежнему продолжают радикальные изменения в отношениях собственности, распределения, общественной организации труда, в тенденциях и направлениях социальной мобильности. Трансформационные процессы привели к возникновению новых социальных общностей, их взаимосвязей, иерархии. Разгосударствление и приватизация привели к рождению новой социальной структуры, в которой на разных полюсах размещаются владельцы материальных элементов труда, средств производства и информации и те, кто ими не владеет. Актуальность данной темы обусловлена неоднозначностью выделения различных слоев или страт российского общества, отсутствием единого мнения по поводу стратификации российского общества.

Социальная стратификация – это совокупность расположенных в вертикальном порядке социальных слоев: бедных, зажиточных, богатых. Стратификация описывает социальное неравенство в обществе, деление на бедных и богатых. Социальная стратификация является постоянной характеристикой организованного общества, т.е. наличие в обществе развитой системы стратификации является одной из ключевых, определяющих черт государства.

Анализ российского общества как сложной иерархизированной системы, состоящей из подсистем, элементов, находится в процессе непрерывного

функционирования. Анализ динамичного развития социально-структурных процессов и выявление в них количественных и качественных изменений свидетельствуют о динамике взаимодействия различных социальных групп, слоев, страт, становлении классовых и групповых интересов; изменении основ социальной идентичности и факторов социальной дифференциации.

В настоящее время все больше внимания уделяется изучению среднего класса. Все исследования «среднего класса», использующие различные критерии его выделения, позволяют говорить о среднем классе как объективно существующем многомерном социальным образованием, занимающем своё срединное место в социальной иерархии.

Среднего класса в России, как такового, ещё не существует, он только находится в процессе становления. Но, рассмотрев средние слои российского общества, мы видим, что они уже начинают принимать на себя исполнение ряда функций, свойственных средним классам развитых стран.

Стратификации современного российского общества напоминает придавленную пирамиду – сильно сплюснутый треугольник с очень широким основанием, большую часть площади которого занимает слой «трудящихся», а вершину – «люди власти». Также российское общество характеризуется ростом маргинальных слоев, четким выделением класса собственников и класса наемных работников, которые все еще находятся в процессе становления.

Литература

1. Беленький В. Х. Социальная структура российского общества/ В. Х. Беленький// социологическое исследование. – 2006. – №11. – с. 49-57.
2. Беляева Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа/ Л. А. Беляева// Социологическое исследование. – 2005. - №12. – с. 57-64.
3. Головина Е. В. Средний класс как объект социологического исследования/ Е. В. Головина// Социально-гуманитарные знания. – 2007. - №4. – с. 304-309.
4. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества/Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2001. - № 8. - с. 3-11.
5. Плискевич Н. М. Российское общество в новых социологических исследованиях/Н. М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 2000. - № 2. – с. 29-36.

Общество потребления: истоки и перспективы (по материалам современных западных социологов)

Кодряну Анастасия Ивановна

Студентка

Московский Государственный Лингвистический Университет

Институт Международных Отношений и Социально-политических Наук

Кафедра Социологии, Москва, Россия

E-mail: zavap17@yandex.ru

В данной работе автор опирается на теории трёх социологов: Э. Тоффлера, Дж. К. Гелбрейта и Ж. Бодрийяра. Современное общество можно называть по-разному. Существует множество теорий, описывающих его как постиндустриальное общество (среди них концепции Д. Белла, Э. Тоффлера, Г. Кана, З. Бжезинского и А. Турена), последний так же называет его информационным (наряду с Е. Масудой и Дж. Нейсбитом), программированным или коммуникационным обществом.

Общество потребления возникает в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием и такими социальными изменениями, как, например, рост доходов, существенно изменяющий

структуру потребления; снижение продолжительности рабочего дня и рост свободного времени. Важными характеристиками общества потребления является также размывание классовой структуры, индивидуализация потребления, революция в системе коммуникаций, рост доходов и расходов населения, изменение системы банковского кредитования, ускорение темпов изменения моды и решающая роль рекламы в формировании вкусов и ценностей потребителя, проникновение телевидения и средств массовой коммуникации в самые глубокие слои социальности, приход автомобильной культуры.

Современное общество живет в постоянном страхе перед исчерпаемостью природных ресурсов, с ощущением их нехватки. Появления многочисленные технические средства, которые, хоть и удовлетворяют нужды потребителей, но при этом нанося непоправимый урон природе.

В своей книге «Третья волна» Тоффлер представляет историю развития общества, науки и техники в виде последовательного наступления трёх волн. Первая волна характеризовалась традиционными формами производства, которые не требовали механических приспособлений и неестественных источников энергии. Основным фактором было плодородие земли. Примерно 300 лет назад возникла совершенно новая цивилизация, так называемая Вторая волна. Она была порождена промышленной революцией. Общество потребления возникло на рубеже Второй и Третьей волн.

Тоффлер отмечает возвышение техники как фактор социальных преобразований. Изменяются также способы реализации товаров и сам товароборот.

Гэлбрейт рассматривает превращение женщин в класс скрытой прислуги (осуществление потребления в основном женской частью населения).

Тоффлер отмечал среди проблем общества потребления разрыв семейных уз (семья становится меньше по размерам, вернее по численному составу и в моду входят бездетные браки), колебания в экономике, паралич политических систем и разрушение общественных ценностей. В системе ценностей произошёл сдвиг к самостоятельности.

Роль средств массовой информации в формировании неверных представлений об окружающей действительности очень высока. Культ и прославление тела и пропаганда ухода за ним. И, наконец, стирание границ между потребителем и производителем, нашедшее своё выражение в появлении новой экономики, принявшей название «prosumer» economics.

Индивидуальное потребление является своеобразным индикатором социального статуса потребителя и его индивидуального образа жизни. Также развитие общества потребления может повлечь за собой утрату моральных ценностей. Особенно это проявляется в связи с развитием культа тела, которому способствует по большей части реклама.

Литература

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 298-340, 429-464
2. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. Глава IV. Потребление и концепция домашнего хозяйства // <http://ek-lit.agava.ru/glb004.htm>
3. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. 1970
4. Е. А. Самарская Жан Бодрийяр и его вселенная знаков. М.: Культурная революция; Республика, 2006, с. 251-264
5. Мостовой П. Есть ли будущее у общества потребления? // <http://www.polit.ru/lectures/2005/12/01/mostovoi.html>
6. Ильин В.И. Общество потребления в России: Миф или реальность? <http://artpragmatica.ru/hse/?uid=459>
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления. // Логос. 2000. № 4 (25) // http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm
8. Белл Д. Американская модель: с будущим в конфликте. М.: Прогресс. 1984. с.16-24.

9. Попов Гавриил. Новый строй. Над чем думать и что делать // "Независимая газета", 1998, 30 июня.

К вопросу о теоретических основах изучения региональных идентичностей населения России

Котельников Д.С.

аспирант

Южный федеральный университет

Кафедра социальных коммуникаций и технологий

E-mail: cpsi@list.ru

Процессы регионального структурирования социального пространства России порождают необходимость постоянного уточнения места и значения, присущих данному региону в системе внутри- и межрегиональных взаимодействий, определения направлений развития региона в сложившейся системе межрегиональных взаимодействий, выявления и обеспечения защиты социально-экономических интересов регионального сообщества, и, в целом, формирования позитивного образа региона. Успешное решение этих задач во многом определяется особенностями механизма формирования и содержания региональной идентичности, социальная сущность которой требует своего научного уточнения.

Региональная идентичность относится к категории социальных идентичностей индивида. Механизмы социальной идентификации личности предполагают ее соотнесение с общностью (символической, социально-групповой, микросоциумом). Они обычно основаны на выделении «своей группы», «своей культуры», то есть некоего существенно значимого референта в социальном пространстве. При этом социальная идентификация, как и любая другая – ситуационна и контекстуальна.

Для теоретической операционализации процесса социальной идентификации весьма важно выделение таких понятий как *субъект* и *объект* идентификации. В качестве субъекта выступает, как правило, отдельный индивид. Именно он как носитель индивидуальных психологических качеств и свойств под воздействием внешних факторов либо внутренних мотивов определяет значимые социальные объекты для идентификации себя, а также инструментализирует критерии для социальной идентификации других. Объектами же социальной идентификации личности могут являться как отдельные индивиды, так и их группы, целые общества или цивилизации. Именно понятие объекта идентификации может выступать в качестве критерия классификации социальных идентичностей личности и выделять ее гендерный, семейный, профессиональный, социально-стратификационный, этнический, конфессиональный, культурно-цивилизационный, региональный, гражданский, геополитический и иные срезы.

Исходя из выше изложенного можно предположить, что используя понятие региональной идентичности в качестве объекта идентификации выступает регион. Однако встает проблема со смысловой определенностью данного понятия. Наиболее общим является определение региона, представленное в рамках междисциплинарного подхода такого научного направления, как регионоведение. Здесь регион выступает в качестве исторически сложившегося территориального сообщества, обладающего физической средой, социально-экономическим, политическим и культурным своеобразием и пространственной структурой, отличной от других крупных территориальных единиц, и характеризующийся такими свойствами, как целостность и управляемость. Это наиболее широкая его трактовка. В узкой трактовке регионом выступает единица административно-территориального деления государства (область, земля, штат, кантон и пр.).

Следовательно, региональная идентичность личности будет формироваться в результате ее самопричисления к некоторому региональному социуму, обладающему уникальным набором социокультурных и институциональных характеристик, отличающим его от других подобных образований. Таким образом, примерами региональных идентичностей можно считать такие идентификационные маркеры, как «сибиряк», «кавказец», «донец», «кубанец», «южанин», «северянин», «европеец», «латиноамериканец» и т.д. Есть и формы негативной региональной идентичности, как правило внешне приписываемой – «кубаноиды», «бендеровцы», «кацапы» и т.п.

Региональную идентичность следует отличать от других видов социально-территориальной идентификации – гражданской и локальной. Гражданская идентичность, как правило, объединяет граждан одного государства, жителей одной страны независимо от их этнической, региональной или конфессиональной принадлежности: россияне, американцы, британцы и т.д. Объектом локальной идентификации выступают территориальные единицы первичного уровня – города, поселки. В качестве наиболее известных примеров локальной идентичности можно назвать следующие: москвич, питерец, одессит, ростовчанин и т.д. Между региональной и локальными идентичностями зачастую возникает конкуренция. Например, жители столиц (в т.ч. региональных) в меньшей степени склонны проявлять свою региональную идентичность, чем жители провинций. В целом, в рейтинге идентичностей позиции региона чаще всего уступают лидирующие позиции стране, населенному пункту, семейной и гендерной идентичностям, профессии, религии и этносу.

В свою очередь этническая идентичность также тесно связана с региональной. В условиях национально-территориальной организации Российской Федерации этничность может выступать в качестве региональной идентичности для титульных этносов республик. Самой яркой и поразительно устойчивой надэтнической региональной идентичности в России является такой идентификационный маркер, как дагестанец. Кроме того, региональная идентичность в состоянии порождать субэтнические идентичности одного народа. Такими примерами могут являться постоянно проявляющиеся в период проведения переписей этнорегиональные формы самоопределения донских армян, моздокских кабардинцев или крымских татар и месхетинских турок.

В настоящее время в русских регионах постепенно происходит формирование региональной идентичности и развитие местного патриотизма. Этому в немалой степени способствует деятельность властной и интеллектуальной элиты. Анализ процессов, происходящих в российских регионах, показывает, что факторы, способствующие развитию регионального самосознания, продолжают действовать. Можно ожидать, что региональная составляющая в российской и русской идентичности через некоторое время станет более значимой, чем сегодня, когда можно говорить только о наметившейся тенденции и эксплуатирующих ее элитных группах. Кроме того, региональная идентификация – процесс управляемый. Во многих регионах все большее внимание уделяется работе над имиджем территорий, задача которой – сделать регион привлекательным для инвесторов, «прогнать» на всю Россию и «вписать» образ регионального лидера в образ региона. Над этим работают специалисты, территории «раскручиваются» в центральных СМИ, выпускается разного рода рекламная литература, справочные издания, буклеты, компакт-диски и т.д.

Таким образом, региональная идентичность выступает современным фактором социального и экономического развития и элементом политического управления региональными социумами. Важнейшей же функцией регионального самосознания является поиск путей самосохранения региональной общности, развития региональной субкультуры. Становление целостных механизмов и структур воспроизводства рождает региональные общности различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории и соответствовать определенным массивам

природного окружения. Учет же специфики региональной самоорганизации есть один из наиболее эффективных инструментов политического управления, потенциал которого еще не до конца использован в современной России.

Литература:

- 1) Волков Ю.Г. (2006) Идеология и российская идентичность. М.: Социально-гуманитарные знания.
- 2) Многоуровневая идентичность / Под ред. А.Ю. Шадже. (2007). М.: Смысл.

Сравнительный анализ культурно-социологических подходов к проблеме легитимации власти

Красненко О.А.

Аспирант

Санкт-Петербургский Государственный университет,

факультет социологии, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: olga7919@mail.ru

Современное социально-экономическое положение России, характеризующееся внутренней нестабильностью (превышение значений предельно-критических показателей ИСПИ РАН) и потерей политического престижа страны на международной арене (67 место по ИРЧП ООН на 2007 год), требует принятия срочных мер для выхода из кризиса, продолжительное присутствие которого угрожает целостности социетальной системы и может привести либо к ее распаду, либо к ее трансформации, но при условии значительных усилий как со стороны правящей элиты, так и со стороны управляемого большинства. Ситуация нестабильности особенно отражается на уровне легитимности политических институтов в сознании масс, поэтому следует с особым вниманием отнестись к проблеме легитимности/легитимации власти.

Определенная система власти (властных отношений) не является раз и навсегда установленной данностью: она имеет тенденцию возникать, видоизменяться и исчезать. Подобная динамика системы властных отношений описывается, в том числе, и понятием «легитимация», при этом связанное с ним понятие «легитимность» характеризует только временной срез или состояние этих отношений в определенной точке временного периода. Непосредственно проблема легитимации власти, как процесса упорядочивания и поддержания уже сложившейся системы асимметричных отношений, относится к исследовательскому полю феноменологической социологии (П.Бергер, Т.Лукман), функционализма (М.Фуко) и понимающей социологии (М.Вебер). «Легитимация и есть этот самый процесс «объяснения» и «оправдания» институционального порядка... Легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным знаниям. Легитимация «оправдывает» институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам» [Бергер, Лукман 1995: 68]. Какие же существуют механизмы для «объяснения» и «оправдания» сложившейся системы властных отношений, а, следовательно, определенного институционального порядка?

Приступая к сравнительному анализу, автор предлагает выбрать в качестве единицы сравнения – механизм (способ) легитимации. При этом сразу необходимо учесть и тот факт, что только два из выше перечисленных теоретических подходов (П.Бергера, Т.Лукмана и М.Фуко) относятся непосредственно к легитимации как к процессу, в то время как концепция М.Вебера, в первую очередь, фиксирует точки легитимности. «В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности... Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение... Далее, авторитет внеобыденного личного дара... (харизма),... Наконец,

господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления... и деловой «компетентности» [Вебер 2006: 486-487]. Следовательно, в контексте легитимации власти возможно сравнение только двух теоретических подходов: подход П.Бергера, Т.Лукмана и подход М.Фуко.

Во-первых, при изучении данных подходов, становится очевидным, что они отличаются масштабом процесса легитимации. Так, у П.Бергера и Т.Лукмана данный процесс охватывает «символические универсумы. При этом у М.Фуко легитимация касается только взаимоотношения «дисциплинарных институтов» и «вычисляемых» индивидов, т.е. дисциплинарной власти. Во-вторых, сравниваемые теоретические направления предлагают разные механизмы (способы) легитимации власти, сопоставление которых дает следующие результаты. Так, П.Бергер и Т.Лукман выделяют концептуализацию посредством мифологии, теологии, философии и науки в качестве основного средства упорядочивания социальных отношений в обществе. Однако для сохранения уже социально сконструированной реальности они упоминают другие механизмы легитимации - «терапию» и «аннигиляцию». При этом терапия использует концептуальную «машинерию», чтобы удержать каждого в рамках данного определения социальной реальности, а аннигиляция противодействует конкуренции со стороны альтернативных символических универсумов. В свою очередь М.Фуко называет механизмы смотра/осмотра и документации (ведение досье, архива, тотальное изучение психики объекта-власти) в качестве средств поддержания существующей системы властных отношений. «Пора наконец перестать описывать действия власти в терминах “не”: она-де не дает, не позволяет, исключает, подавляет, запрещает, отрывает, маскирует или скрывает. На самом деле, власть производит; она производит реальность; она производит область своих объектов, а также методов добывания истины относительно них»[Foucault 1975: 196]. Очевидно, что механизмы поддержания дисциплинарной власти, предложенные французским постструктуралистом, не противоречат набору средств легитимации представителей феноменологической социологии, и не совпадают с ним, и поэтому могут быть гармонично добавлены в него, т.е. новая последовательность легитимирующих механизмов будет выглядеть следующим образом: концептуализация, сбор информации об объекте власти (смотр/осмотр, документация), терапия (в случае выявления девиаций) и аннигиляция.

Таким образом, вышеприведенные подходы к проблеме легитимации власти (в том числе и подход М.Вебера) не исключают, а скорее дополняют друг друга, образуя целостную картину процесса поддержания ассиметричных отношений, сложившихся в обществе. По мнению автора, повышение легитимности властных институтов может служить одним из способов преодоления состояния социально-политической нестабильности.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. – С. 68.
2. Вебер М., Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. – С.486-487.
3. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975. - P. 196.

К вопросу теоретического изучения социокультурного феномена «Чиклит» в России.

Крикунова Анна Константиновна

Студентка

Южный федеральный университет,

Факультет социально-исторического образования, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: krikanna@mail.ru

Книгоиздательский жанр «чиклита» получил распространение в России несколько лет назад. Отправной точкой «чиклит»-бума в России считается 2004 год. Некоторые «чиклит»-романы выходили как популярная западная беллетристика в России и ранее, но именно этот год стал поворотным: «чиклит» начали издавать в промышленных масштабах. Сначала переводной, а затем и отечественного производства.

В буквальном переводе с английского «*chicklit*» означает «литература для цыпочек», вид бульварного чтива. В таком социокультурном определении «чиклита» налицо изрядная доля пренебрежения. В настоящее время жанр «чиклита» претерпел некоторую реабилитацию в массовом сознании российских граждан. Сегодня «чиклит» не только популярен, но и считается на западный манер литературой для карьерных женщин и даже феминисток, учебником жизненного успеха для незамужних особ от 25 лет, интересы которых простираются дальше бытовых и семейных вопросов.

Одновременно с реабилитацией и популяризацией жанра «чиклита» происходит и его дифференциация, появляются новые направления, ориентированные на различные социокультурные группы женщин. Можно выделить несколько базовых направлений «чиклита», получивших распространение в среде современных российских женщин. Самые распространенные из них: 1) «*bigger girl lit*» – литература для полных девушек, ориентирующая их на повышение самооценки, инструментализирующая их попытки сломать общественные стереотипы в отношении «толстухек»; 2) «*christian chick lit*» – литература для целомудренных христианок, помогающая им правильно выстроить стратегию самопозиционирования с сохранением имиджа успешных и современных женщин; 3) «*glamorous career chick lit*» – литература для «гламурных карьеристок», наиболее популярное направление чиклита, особенно в среде столичной молодежи, кроме того, это направление постепенно преодолевает гендерные рамки и становится востребованным и у мужской аудитории; 4) «*hen chick lit*» – литература для дам в предпенсионном и пенсионном возрасте, которые, несмотря на то, что уже не подпадают под возрастные ограничения чиклит-аудитории, но тем не менее интересуются современными проблемами и модными направлениями; 5) «*single city girl chick lit*» – литература для одиноких девушек в большом мегаполисе; 6) «*shopping chick lit*» – также один из самых популярных жанров «чиклита», представляющий собой литературу для шопоголиков, ориентирующий их в основных новинках на рынке, скидках и т.д.; 7) «*kids chick lit*» – для женщин с детьми и так далее. Особо выделяют «*lad lit*» – «мальчишечью» литературу, написанную в расчете на женщин-читательниц, интересующихся особенностями мужской психологии и моделей поведения.

Характеризуя современное состояние жанра «чиклита» в России, следует отметить, что пока большинство чиклит-романов издается стартовыми тиражами в 5-7 тыс. экземпляров и в твердых обложках. Это повышает цену издания и не дает чиклиту стать уже сейчас массовым жанром, дешевым чтивом для миллионов. В современном российском «чиклите» есть что-то если не элитарное, то нишевое: расчет на целевую аудиторию – успешных и современных женщин. А в этой категории населения, которая появилась в России не так давно и для которой, собственно, и заимствовался жанр чиклита, в последнее время происходят явные подвижки.

Женщины, вслед за мужчинами на излете «диких 90-х» осознавшие свои карьерные возможности, сейчас уже не нуждаются в руководствах по достижению успеха: они или уже достигли этого успеха, или разуверились в его достижимости. Общественная ситуация стабилизировалась, и истории о головокружительных карьерных взлетах – от уборщицы до главного редактора модного глянца – все больше похожи на сказки, то есть конкурируют уже не друг с другом, а с сентиментальными дамскими романами. При этом главное конкурентное преимущество «чиклита», популяризирующее его в современной России, – это его ориентация на пропаганду идей социального и даже финансового равенства женщины и выбранного ею мужчины. В то же время в России не теряет популярности и другой (можно сказать, альтернативный

жанр «чиклита») – литература, описывающая истории современных золушек, когда женщина, встретив «своего единственного» и выйдя за него замуж, чувствует себя полностью реализовавшейся. В настоящее время, социологи прогнозируют, что уже через пару лет ролевая модель карьеристки окончательно выйдет из моды, а новые поколения девушек, воспитанных в дефиците общения со своими бизнес-мамами, будут стремиться уже не к блестящей карьере, а к созданию семейного уюта. Тогда «чиклит» окончательно сольется с женскими любовными романами и станет литературой о любви, а не о карьере.

Литература:

1. Петухов Ю.Н. Современная литература в общественном мнении россиян // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2006. №3.
2. Социология культуры и духовной жизни. Ростов-н/Д, 2008.

Образование как механизм обеспечения устойчивого развития общества

Кройтор С. Н.

Младший научный сотрудник

Институт социологии Национальной Академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

e-mail: pramen_newlife@yahoo.com

В настоящее время мы сталкиваемся с небывалыми темпами экономического развития обществ и имеем доступ к множеству благ индустриальной цивилизации. В частности, мы наблюдаем высочайшие темпы развития техники и технологий, возникновение новых способов коммуникации, растущую информатизацию, усложнение труда и других видов человеческой деятельности.

Однако, с другой стороны, такой экономический прогресс оборачивается рядом негативных последствий. К ним, в частности, относятся два наиболее острых, на наш взгляд, современных явления. Первое – экологический кризис. В биосфере уже начали происходить необратимые изменения, вызванные неосмотрительной деятельностью людей по отношению к природе и выражающиеся в повышении средних температур и изменении уровня осадков почти повсеместно на планете, нарушении цепей питания, исчезновении подземных вод и т.д. Второе – неравномерность развития разных государств мира, выражающаяся в том, что во многих странах (Азия, Африка, Латинская Америка, страны Карибского бассейна) люди по-прежнему не обеспечены даже самым необходимым: питьевой водой, полноценной пищей, не имеют крова и доступа к медикаментам, а также лишены возможности получения даже начального образования. Кроме того, в настоящее время наблюдается растущее неравенство людей на планете: разрыв в доходах богатых и бедных, населения развитых и развивающихся стран продолжает увеличиваться, т.е. экономический прогресс в одних странах оборачивается еще большим отставанием других.

Окружающая среда, понимаемая как единство природных и человеческих ресурсов планеты – система, элементы которой тесно взаимосвязаны между собой. Равновесное распределение ресурсов является обязательным условием ее нормального функционирования. Система обладает определенным запасом прочности, диапазоном допустимых трансформаций, и изменения не грозят ей разрушением при условии, что они укладываются в рамки этого диапазона – в этом случае инновационные изменения адаптируются системой и нормально усваиваются. В противном случае – т.е. когда сила воздействия трансформационного фактора превышает максимальную энергию самозащитных механизмов системы, происходит сбой, ведущий к рассогласованию элементов системы и потере ее способности к самостоятельному отлаживанию внутрисистемных процессов. Возникает опасность разрушения целого.

Именно это происходит сегодня с мировой системой. Природные и социальные процессы рассогласованы, наблюдаются резкие диспропорции ресурсов и возможностей развития, деградация человеческого, социального и природного капиталов, и это чревато серьезными последствиями. Причина в том, что экономическое развитие не является единственным условием процветания, это – лишь одно из его составляющих. Если человеческая активность явилась источником столько негативных явлений, значит, путь развития, по которому мы двигались до сих пор, не оправдал себя, и сегодня мы нуждаемся в новых подходах, стратегиях, программах жизнедеятельности социума, и на этот раз это должна быть политика, основанная на едином, системном понимании мировых процессов, принимающая во внимание интересы и потребности каждого из компонентов целого. Наша задача сегодня – гармонизировать, привести во взаимное соответствие экономические, экологические и человеческие ресурсы, чтобы восстановить системное равновесие, и предпринять меры для предотвращения дальнейших сбоев в функционировании системного целого. Нам думается, концепция устойчивого развития может стать ответом на вопросы, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Наиболее удачными нам представляются следующие определения устойчивого развития: устойчивое развитие – такое развитие, которое «удовлетворяет потребности настоящего, не препятствуя возможности будущих поколений удовлетворять их собственные потребности» [1], и которое «требует удовлетворения основных нужд всех людей и расширяет возможность удовлетворять их стремление к лучшей жизни» [2, с. 44]. Итак, развитие экономики только тогда можно назвать подлинным развитием, когда оно не наносит ущерба природе и ведет к улучшению качества жизни, т.е. основывается на признании приоритета ценности человеческой личности. Таким образом, наша актуальная цель – конструирование устойчивой системы взаимоотношений между людьми, а также между людьми и природной средой, поскольку природный, социальный и экономический виды капитала являются взаимодополняемыми и взаимозависимыми. Индивидуальная и социальная деятельность должна стать более социально, экологически и человечески ориентированной.

Поэтому сегодня чрезвычайно важно обратить внимание на природный и человеческий потенциал, обеспечить им поддержание и воспроизводство – от этого зависит наше собственное будущее. Состояние устойчивого развития среды, понимаемой как единство природной и культурной, социальной реальностей, может быть достигнуто только в том случае, если будут созданы условия, при которых каждый человек сможет в полной мере развивать свой физический, эмоциональный, моральный и интеллектуальный потенциал, а деятельность людей в отношении природной среды будет организована по принципу «Не навреди». Речь идет о создании нового социального порядка, основанного на принципиально иных ценностях, нормах и приоритетах, несовместимых с принесением собственной среды обитания в жертву растущим материальным потребностям, удовлетворение которых не является обязательным и насущным. Новая картина мира должна быть построена исходя из ценностей эко- и антропоцентризма.

На наш взгляд, в этой связи особенно важно обратиться к образованию, поскольку именно образовательные учреждения (наряду с деятельностью правительственных структур и неправительственных организаций, СМИ и др.) могут послужить инструментом трансляции новой картины устойчивого мира. Образовательные институты в состоянии передавать не только знания и навыки, необходимые для профессиональной подготовки, но также и информацию, касающуюся охраны здоровья, профилактики и лечения заболеваний, семейной жизни (включая повышение информированности по вопросам планирования семьи и регулирования рождаемости), питания, окружающей среды, науки и техники, методов ведения сельского хозяйства и т.д. На наш взгляд, социальный институт образования обладает огромным потенциалом

в сфере оптимизации негативных процессов, протекающих в современном мире. «Образование, будучи одним из основных прав человека, является ключом к устойчивому развитию, миру и стабильности внутри стран и в отношениях между ними и в силу этого служит необходимым средством для эффективного участия в жизни обществ и в экономике XXI века, которые затронуты ускоренной глобализацией» [3].

Литература

1. United Nations. 1987. Report of the World Commission on Environment and Development. General Assembly Resolution 42/187, 11 December 1987. Retrieved: 2007-04-12.
2. World Commission on Environment and Development, Our Common Future / Oxford, England: Oxford University Press, 1988.
3. Дакарские Рамки действий Образование для всех: выполнение наших коллективных обязательств. Приняты Всемирным форумом по образованию (Дакар, Сенегал, 26-28 апреля 2000 г.).

Гражданское общество в русской общественно - политической мысли (XVIII век - начало XX века).

Леньшин П.В.

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
социологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: petya-l@yandex.ru

Основной вклад в изучение феномена гражданского общества внесли западные ученые. Их научные разработки и труды на протяжении нескольких веков послужили основой и стали фундаментом для последующего осмысления этого явления русскими, советскими и российскими учеными. Как общественное явление, гражданское общество рассматривалось многими направлениями русской философии конца XVIII, XIX, а впоследствии также и социологами в XX веке.

Основной особенностью теоретических разработок отечественных ученых стал учет специфики русской ментальности и национального характера. В их работах появляются такие понятия, как община, олицетворяющая социальную форму общности, развитие духовно-нравственного аспекта жизни человека, соборность и проблематика самодержавия. Существенные отличия политического строя России в XIX-XX веке от европейского, обусловили факт того, что основные инициативы в рамках попытки изменения существующего положения вещей исходили от государственных деятелей. Немаловажную роль сыграл уникальный слой населения, существовавший в России – интеллигенция, которая своими теоретическими разработками и практической деятельностью мотивировала государство и общество предпринять шаги навстречу прогрессивным переменам.

Самые первые идеи и размышления о гражданском обществе в России можно проследить в работах Ю. Крижанича, который рассматривал политическое подданство как форму безусловного подчинения верховной власти и утверждал, что быть рабом царя и народа дело положительное и являет собой одну из разновидностей свободы и, более того, - это есть долг любого гражданина, в котором выражается особого рода честь. Дальнейшее эволюция мысли о сути гражданского общества, его существовании в конкретную историческую эпоху и устройстве прослеживаются в русской правовой и социально-политической мысли в XVIII веке в работах просветителей И.Т. Посошкова, Ф.Прокоповича, В.Н.Татищева, А.Н.Радищева.

Однако более глубокое и основательное рассмотрение проблем гражданского общества в России следует отнести к концу XVIII - началу XIX вв., так как именно в этот период набирают популярность идеи философии Просвещения, и, особенно, воззрения Ж.Ж.Руссо, которые интегрировались с традициями патриархально-общинных отношений в

хозяйственной жизни, сверхцентрализацией государственного управления и сакрализацией царской власти в сфере политики, доминированием православия в духовной жизни. В среде отечественных мыслителей его идеи выразились по-разному: кого-то вдохновлял образ разумного и справедливого законодателя, просвещенного правителя, кто-то основной акцент делал на незыблемость прав человека и гражданина.

К вопросу формирования основ гражданского общества в России активно обращаются государственные деятели: граф Н. С. Мордвинов и М. М. Сперанский, ратовавшие за необходимость изменения гражданского существования, то есть обеспечения истинной гражданской свободы и гражданских прав.

Декабрист П. И. Пестель, описывал главную цель, которую должны выполнять гражданское общество и государство как благоденствие всех членов общества и каждого отдельно взятого индивида. Представитель концепций анархизма М. А. Бакунин моделировал гражданское общество без государства, так как последнее выступает носителем насилия и угнетения личности. Оно нивелируется и уничтожается, и наступает анархия, которая рассматривается им как идеальное политическое устройство. Еще одним ответвлением русской мысли в контексте анализа гражданского общества было консервативное направление (в основном затрагивающее политический аспект). Оно включало в себя тех мыслителей, которые трепетно вспоминали наследие прошлого и считали традиции той основой, на которой должно быть построено функционирование общества (к ним могут быть отнесены: Н. М. Карамзин, С.С.Уваров, К. П. Победоносцев). В другую группу входили славянофилы, требовавшие отмены крепостного права и выступающие против западных идей: А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский, И. В. Киреевский. Один из наиболее ярких славянофилов, И. В. Киреевский, полагал, что основной идеей, способной сплотить общество и создать базис для развития социума, является идея общины, духовная основа которой – Русская православная церковь. Доминирование общего интереса может сохранить целостность социума, при этом обеспечить личности свободу и самореализацию в установленных рамках. Человек должен руководствоваться абсолютными моральными и нравственными ценностями, а государство призвано обеспечить гарантию свободы путем контроля за соблюдением законности, охраной жизни и достоинства человека, координацией деятельности своих органов для воцарения порядка. Сопратник Киреевского по идеям славянофильства, К. С. Аксаков разработал теорию «негосударственности», в соответствии с которой идеальное гражданское устройство основывается на таком сосуществовании государства и народа, когда ни одна из сторон не вмешивается в дела другой. Историческим прообразом такого устройства была Россия до времен правления Петра I, когда народ ни структурно и ни функционально не содержал в себе политической составляющей. Существовало две разных и автономных сферы – государство (правительство) и народ (земля), каждый из которых занимался собственным делом и не вмешивался в чужие дела. Реформы Петра разделили народ и землю, принесли иные, европейские начала в сознания высшей прослойки общества, заставив не только думать, но и говорить по-другому.

В рамках радикального направления политической мысли гражданское общество фигурировало в контексте критики концепций западно-европейского либерализма. Основными представителями этого течения были В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев. Например, создатель теории «русского социализма» Герцен утверждал, что именно Россия быстрее и проще стран Западной Европы может построить социалистический идеал, который создает оптимальные возможности для разумного и справедливого решения ключевой проблемы личности и общества.

Впоследствии, в конце XIX и начале XX века, характер интерпретации гражданского общества все больше приближается по смысловому наполнению к западноевропейским теориям, что можно объяснить активным проникновением в Россию либеральных идей. Идеи гражданского общества, правового государства, ценности личной свободы можно найти в работах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, С. Ю. Витте, П. Б. Струве. Так, ключевой

мыслью Кавелина была необходимость утверждения в российском обществе ценностей законности и справедливости, создания условий, при которых эти ценности должны стать нормой человеческих взаимоотношений. Религиозный философ Н.А. Бердяев основой существования общества считал абсолютные и неотчуждаемые права человека. Единственный примиримый с христианством принцип есть утверждение неотъемлемых прав человека, поэтому всякое государство должно признать свободу индивида как то, что было дано ему не извне, а принадлежало изначально, имманентно.

Литература

- 1.Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. №5
- 2.Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 - 1914. М., 1995.
- 3.Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРАМ, 1999.
- 4.Руденкин В. Н. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург, 2002.

Трудовой коллектив как социальная организация

Лисицин Денис Евгеньевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: donoless@gmail.com

В современном мире для осуществления трудовой деятельности люди создают группы разного размера, которые будучи организованными в соответствии с нормами законодательства и правил определенного предприятия, становятся социальными организациями со своей структурой. Трудовой коллектив тождественен понятию персонал и является основным инструментом для достижения целей, без которого невозможно практическое функционирование организации.

Коллектив играет огромную роль в жизни каждого человека, которую трудно переоценить. Прежде всего, в его рамках удовлетворяется естественная потребность людей в общении и деловом взаимодействии, в принадлежности к группе себе подобных. У коллектива человек в необходимых случаях обретает поддержку и защиту, в своем коллективе он в первую очередь находит признание успехов и достижений. В то же время, наряду с желанием быть в коллективе, люди хотят отличаться от других, оставаться какими они есть индивидуальностями, достойными уважения, что усложняет управление коллективом.

Работа позволяет рассмотреть трудовой коллектив с позиций теоретической социологии, раскрывая различные точки зрения и специфические особенности функционирования трудового коллектива как социальной организации.

Литература

1. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: учебник. – М.:ИНФРА-М, 2005.
2. Осипов Г.В., Социология – М.:Издательство ЛКИ, 2008.
3. Эфендиев А.Г., Общая социология: учеб. пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М.:ИНФРА-М, 2009.
4. Гидденс Э., Социология / При участии К.Бердсолл: пер. с англ. Изд. 2-е. – М.:Едиториал УРСС, 2005.
5. Штомпка П, Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С.М.Червонной. – М.:Логос, 2008.
6. Мильнер Б.З., Теория организации: учебник. - М.:ИНФРА-М, 2000.

7. Пугачев В.П., Руководство персоналом: учебник / В.П. Пугачев. – М.: Аспект Пресс, 2008.
8. Кибанов А.Я., Управление персоналом организации: учебник / под ред. А.Я. Кибанов. – М.:ИНФРА-М, 1997.
9. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) от 30.12.2001 N 197-ФЗ в ред. Федерального закона от 30.06.2006 N 90-ФЗ

Историческое прошлое как основа сплоченности современного российского общества.

Лукина Елена Александровна

Студент

Волгоградский государственный университет, факультет философии, истории, международных отношений и социальных технологий, Волгоград, Россия

E-mail: kleo-005@mail.ru

Основной задачей патриотического воспитания является формирование чувства любви к Родине. В последние годы в современной России государство стало уделять большое значение воспитанию подрастающего поколения. В связи с этим, патриотизм рассматривается в ракурсе определенного ресурса, способного выполнить консолидирующую функцию, будучи стержневой основой для интеграции членов общества. В то же время, патриотизм сегодня нельзя рассматривать в одной плоскости. Следует помнить, что патриотизм – это многомерное проявление чувств и потребностей индивидов и государства, что подтверждает существование различных видов патриотизма: «военного», «государственного», «гражданского». Не останавливаясь на подробностях различий смысловой наполненности этих дефиниций, нами были поставлены следующие исследовательские вопросы: «Сохранили ли патриотические чувства свою силу сегодня? Что видит современная молодежь в слове «Родина»?» Мы попытаемся ответить на эти вопросы на основе эмпирического исследования «Георгиевская ленточка – 2008: волгоградцы о Дне Победы», проводимой в мае 2008 года.

Другими словами, основной задачей исследования являлось выявление отношения волгоградцев к празднику Победы, а также их понимания символической основы Георгиевской ленты и мотивации людей к участию в акции «Георгиевская ленточка – 2008».

Суть акции заключалась в бесплатной раздаче на центральной площади города Волгограда Георгиевской ленты всем желающим, у которых при этом брали интервью. Было опрошено 87 человек, разделенных нами на группы: 1) «учащиеся»; 2) «рабочая молодежь»; 3) «представители «среднего класса»; 4) «пенсионеры»; 5) «ветераны Великой Отечественной войны».

Группа	Мотивация	Значение ленты
Учащиеся	Память о «подвигах дедов»	Победа, Родина.
Рабочая молодежь	Просили взять коллеги, начальник	День Победы, затруднения в ответе
Представители «среднего класса»	Долг, честь, солидарность	Символ славы.
Пенсионеры	Напоминание о цене Победы	Надежда на то, что больше войны не будет
Ветераны	Память о войне и Победе	Победа русского народа над фашистской Германией.

Респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов: «Для кого Вы берете Георгиевскую ленту?», «Что значит для Вас и Вашей семьи, друзей, коллег Георгиевская лента?», «Вы случайно проходили, увидели или целенаправленно сюда шли?», «9 мая Вы пойдете на праздник с этой лентой?».

Результаты опроса показали, что причиной мотивации большинства групп, за исключением группы «рабочая молодежь», является чувство гордости за историческое прошлое и благодарность павшим героям за совершенные подвиги. Сущность Георгиевской ленты ассоциируется у людей с символами победы, славы, Родины (причем последняя группа «ветераны» отмечает интернациональный характер победы) и с надеждами на мирное будущее («пенсионеры»).

Отрадным является факт желания респондентов приобщить родственников, знакомых и друзей к проводимой акции (именно по этой причине они брали ленточки и для них). На наш взгляд, этот факт может интерпретироваться как акт воспитательного характера, в котором субъекты взаимодействия проявляют обоюдную заинтересованность. В то же время, знание значения Георгиевской ленты проявили не все: 3,5% опрошенных («Рабочая молодежь») не имели представления о ней. К участию же в акции их побудило желание быть сопричастными к проводимому событию. Но большинством респондентов (96,5%) все-таки были продемонстрированы знания по истории страны. Кроме того, нами были отмечены и глубокие ассоциации преемственности исторического прошлого и настоящего нашей страны, а также неразрывной связи с этим прошлым. В качестве примера приведем ниже фрагменты нескольких интервью: с женщиной 40-ка лет которая брала ленточки своей крестнице, чтобы рассказать о ее значении, и девушкой 0 лет, которая брала ленточки для своих брата и близкого друга, являющихся на данный момент служащими Вооруженных сил России. Первая респондентка поделилась с нами своими знаниями и чувствами: «Я смотрю на эти цвета: оранжевый и черный, то есть как огонь и земля... я знаю о значении Георгиевских ленточках, о том, что они символизируют воинские победы: и честь Георгиевского креста, и честь Ордена Победы». Вторая же – отметила, что «это честь ее носить, конечно же, в память о прошлых битвах под Сталинградом. То есть это очень значимо».

Приведенный выше случай говорит о том, что, несмотря на смену политического курса страны, изменение значимой символики, люди разных возрастов сохраняют и по сей день чувство гордости и сопричастности к событиям, происходившим в нашей стране, и выражают желание и надежду видеть сильное российское государство в настоящем. Следует особым образом подчеркнуть значимость преемственности этих событий, как для большинства граждан разных возрастов, так и для государства, как политического института. Это позволяет заключить, что легитимность государственных институтов и их авторитет повышается за счет военного прошлого и демонстрации нерушимости исторической преемственности (отметим, что акция проходила на фоне инаугурации президента, трансляция которой демонстрировалась на плазменной панели, установленной на площади).

Другим выводом, сделанным нами на основании анализа ответов респондентов, было следующее: индивиды осознанно или неосознанно проявляли стремление быть сопричастными к большой социальной общности, интерпретируемой, на наш взгляд, как форма самоорганизации в условиях достаточно высокой социальной нестабильности.

Таким образом, на основании вышесказанного, можно отметить важность проведения подобных акций, способствующих удовлетворению потребностей личности и государства в осознании своего единства, величия и могущества.

Взаимосвязь протестантизма и западноевропейского капитализма в социологической концепции М.Вебера

Нагабедян С.А.

студент

*исторического факультета Педагогического института Южного Федерального
Университета,*

Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: nagabedia@mail.ru

С точки зрения социологии наибольший резонанс в осмыслении сущности и механизмов формирования общества модерна и, соответствующего ему, капиталистической типа экономических отношений, получили работы Макса Вебера. Общие задачи, генеральное направление в осмыслении данных вопросов учёный определил в первой и наиболее популярной из работ на эту тему – в знаменитой «Протестантской этике». Здесь Вебер выдвинул тезис, согласно которому протестантизм, в особенности в его кальвинистской (пуританской) разновидности решающим образом повлиял на формирование «духа капитализма» и, следовательно, на возникновение самого европейского капитализма в Новое время. Он пишет: «...Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного *рационального* с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений. Именно пуританское отношение к жизни было главной опорой этой тенденции, а пуритане - ее единственными последовательными сторонниками. Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека...»².

Таким образом, М.Вебер исследуя данную проблематику, пытается выяснить, в какой степени протестантизм повлиял на социально-экономическое развитие западного общества. Как указывает Р.Арон, некоторые исследователи утверждают, будто Вебер стремился опровергнуть исторический материализм и объяснял процесс экономического развития воздействием религий. «По сути же мысль Вебера заключается в другом. Он хотел доказать, что поведение людей в различных обществах может быть понято лишь в рамках их общего концептуального представления о своем существовании, что религиозные догмы и их толкование - составная часть их видения мира, что необходимо понять эти догмы, чтобы понять поведение индивидов и групп, и в частности их экономическое поведение. Вместе с тем Вебер хотел доказать, что религиозные концепции - действительно определяющий фактор экономического поведения и, следовательно, одна из причин экономического развития обществ...»³.

Кроме того, необходимо отметить, что в заявленной проблематике изучения «духа капитализма» является, по сути, выражением основного предмета веберовской понимающей социологии. Г.В. Осипов по этому поводу пишет, что «по мере того как Вебер от вопроса о становлении и развитии современного капитализма переходит к непосредственному созданию социологии как положительной эмпирической науки об обществе, по мере того как он осмысливал место и роль религиозного фактора в структуре социального образования, его социология религии получила на ряду с прежней ещё и новую нагрузку: именно с помощью социологии религии Вебер пытается вскрыть содержания категории *социального действия*... Если в социологии права и государства вебер анализирует формы «ориентации на другого», то в социологии религии он типологизирует основные виды смыслов, как они выступают в истории»⁴.

² Вебер М. Избранные произведения М., 1990. С. 86.

³ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 523.

⁴ Осипов Г.В. История социологии в Западной Европе и США. М., 2001 С. 222.

В этой связи, изучение уникальной системы духовного производства, которую М. Вебер назвал «духом капитализма», непосредственно связанной с этикой аскетического протестантизма, необходимо для более глубокого осмысления социокультурных истоков доминирующей в большинстве современных стран капиталистической экономики. С другой стороны, рассмотрение веберовского анализа рационализации производственной этики в Западной Европе, позволяет отследить оформление теоретических постулатов мощнейшего и поныне методологического направления в социальной теории, которую представляет собой понимающая социология.

Можно выделить следующие концептуальные позиции анализа М. Вебером обусловленности капиталистического развития Запада протестантскими мировоззренческими ориентациями.

1. Главное отличие западноевропейского капитализма заключается в том, что он характеризуется «своеобразным этосом». То есть, в генезисе данной формы западноевропейской экономики важнейшая роль принадлежит не только развитию производственных отношений, но также и распространению «нового духа». Этот «дух» с его тенденцией к универсальной рационализации отличает «современный» капитализм от его патриархальных форм «с иррационально-спекулятивным характером».

2. При этом для складывания капиталистического этоса или капиталистического духа, по мнению Вебера, решающую роль сыграла этическая (нравственно-религиозная) мотивация носителей этого духа в лице протестантов. В процессе Реформации и кристаллизации рациональной этики аскетического протестантизма произошла трансформация потусторонней аскезы в мирскую аскезу, оформились источники мотивационной структуры буржуазного, рационального с экономической точки зрения образа жизни.

3. В качестве аргументов данного тезиса Вебер использует следующие соображения:

3.1 пуританское вероучение (вера в предопределенность спасения или гибели; обязанность любого трудиться во славу Божию; вера в спасение как дар Божий; строгий аскетизм и т.п.) исключает мистицизм и носит антиритуальный характер, т.е. устраняет главные препятствия на пути доминирования трезвого, рационального мировосприятия;

3.2 мировоззрение пуританина позволило увидеть верующему признак своей избранности к спасению в успехе своей профессиональной деятельности: понимание своей профессии как неустанного труда во славу Божию;

3.3 этика пуритан носит ярко выраженный аскетический характер и сводит к минимуму личное потребление, что при постоянном росте зарабатываемых средств автоматически приводит к постоянному инвестированию производства и его непрерывному расширению.

4. Вывод исследования: протестантская этика (с ее понятием «профессионального долга», «внутримирским аскетизмом» и бережливостью, идеалом личной инициативы и ответственности только за себя) наиболее полно выражала основные идеологические и психологические моменты духа новоевропейского капитализма. Причём не существует ярко выраженной причинно-следственной связи между протестантизмом и капитализмом. Но есть четко выраженная адекватность духа капитализма и духа протестантизма. И если капитализм обязан Реформации, так это тем, что в ее лоне сформировался специфический тип религиозной этики, который стал, в свою очередь, прототипом «этоса» (или «духа») новой культурной разновидности «капиталистического хозяйства».

Особенности изучения стиля жизни в контексте социологического анализа

Носарева Ю.М.

Студентка

*исторического факультета Педагогического института Южного Федерального
Университета, Ростов-на-Дону, Россия*

E-mail: yulia-nos@yandex.ru

В связи с трансформационными процессами в современном российском обществе происходят существенные изменения в ценностно-нормативной сфере, в моделях социального поведения и социальных отношений, в принципах и критериях социальной стратификации. Для описания и анализа этих изменений социальные теоретики и практики достаточно часто прибегают к использованию такой категории как «стиль жизни».

Научная дефиниция стиля жизни разрабатывалась еще классиками социологической мысли, такими как М. Вебер, Г. Зиммель, Т. Веблен. Хотя они детально и не описывали механизмы воспроизводства стиля жизни, но, тем не менее, именно они заложили основу в традиции изучения стиля жизни как социологической категории.

Понятие стиля жизни является с одной стороны, простым и однозначным, с другой стороны - многомерным и трудно уловимым. В современных словарях существует несколько определений категории «стиль жизни»:

- стиль жизни - определенный тип поведения личности или групп людей, фиксирующий, устойчиво воспроизводимые черты, манеры, вкусы и склонности;

- стиль жизни - определенный стандарт, отличительная черта, характерная манера поведения людей, субъективная сторона человеческой деятельности, выражающаяся в мотивах, формах и ориентациях решений, поступков, повседневном поведении индивида, его семьи, социальной группы и слоя.

Понятие стиля жизни занимает особое место в стратификационных теориях. Начиная с веберовской традиции статусные группы в обществе стратифицированы по принципам потребления благ, выраженных в стиле жизни, в отличие от классов, стратифицированных по уровню экономического положения. При этом статусная ситуация определяется социальной оценкой уважения и находится в сфере распределения престижа, а статусный престиж выражается прежде всего в том, что от всех, кто претендует на принадлежность к данному кругу, ожидается особый образ жизни. Роль стиля жизни в статусном престиже заключается в формировании определенных «условностей» или символов, которые должны демонстрировать себя всеми способами так, чтобы достигнуть полной «стилизации» жизни, которая создает статусную группу и сохраняет ее.

Таким образом, по отношению к статусной группе определенный стиль жизни выступает как системообразующее начало, символ принадлежности к ней и идентификации, элемент, обеспечивающий ее стабильность в течение определенного времени, фактор отделения от других групп. По отношению к множеству индивидуальных практик стиль жизни выступает как то общее и повторяющееся, что позволяет отнести конкретного агента (семью или человека, т. е. частное) к одной из различных социальных групп.

Новое звучание рассматриваемому понятию в контексте стратификационных теорий дал П.Бурдьё, определив стиль жизни как структурированную систему позиций социального пространства, занимаемых индивидом, принадлежащим к определенной группе (классу), а также через его представление об этих объективно занимаемых позициях. Сами же позиции определяются свойственными индивидам практиками, т.е. видами деятельности и используемыми вещами. Особое место в этой системе принадлежит вкусу - системе схем восприятия и оценивания своих и чужих практик. В

этом теоретическом подходе класс (или социальная группа) понимается как совокупность агентов, занимающих сходные позиции, и позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства агентов, а также поведение, ведущее к объединению в группу. Таким образом, стиль жизни - это система практик, т.е. повторяющееся в повседневном поведении и определяющее положение человека в социальном пространстве. В стиль жизни включаются практики в самых разнообразных полях: это потребление и досуг, труд и доходы, здоровье, участие в политике и религии и пр.

Социологический анализ жизненных стилей позволяет увязывать макро и микроуровень социальной жизни; позволяет сочетать структурные и процессуальные аспекты; дает возможность избегать как «структурализма», так и «экономизма», поскольку в состоянии переходить от социально-структурной позиции или социально-экономического положения индивида непосредственно к его конкретному специфическому поведению; создает условия для отслеживания изменений в системе социального расслоения, а также в устройстве домашней и семейной жизни индивида. Социологический анализ жизненных стилей устанавливает связи, сходства и подобия между «классовым пространством» и жизненными стилями, увязывает в определенное единое целое труд, творчество с досугом и потреблением.

Комплексное и динамичное понятие жизненного стиля применимо как к привычным, так и к альтернативным жизненным стилям, оно в состоянии показать механизмы выбора, осуществляемого индивидами, исходя из их социально-структурной позиции и менталитета. Также изучение жизненного стиля, открывает возможность избегать двух крайностей в интерпретации общества: тезиса о продолжающемся существовании классового общества, с одной стороны, и тезиса об индивидуализированном обществе – с другой. Жизненные стили можно определить как структурированные в пространстве и времени образцы ведения своей собственной жизни. Такие образцы зависят от наличествующих у индивида материальных и культурных ресурсов, от формы семьи и характера устройства домашней и семейной жизни, а также от ценностных установок.

На сегодняшний день для социологов стиль жизни является одним из индикаторов, который фиксирует специфику социального неравенства. Многие зарубежные социологи, анализируя общественное развитие современных стран и отмечая высокий жизненный уровень и расширение возможностей самореализации индивида, фиксируют коррелирующие с ними процессы плюрализации и индивидуализации жизненных и культурных стилей, которые выступают новыми основаниями дифференциации общества. Данные явления влекут за собой целый ряд социальных трансформаций - дегенерацию классовых состояний, распад классовых идентификаций и нарастающую социальную мобильность.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала// Экономическая социология. 2002. Т.3. №5.
2. Вебер М. Основные понятия стратификация // Социологические исследования 1994, №5.
3. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация М.,1992. Вып.1.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
5. Демидов А. М. Социокультурные стили в Центральной и Восточной Европе// Социологические исследования. 1998, №4
6. Джерри Д., Джерри Д. Большой толковый социологический словарь - М: Вече, 2001.
7. Зиммель Г. Избранные работы. Киев, 2006.
8. Ионин Л.Г Социология культуры М.: Логос, 2000.
9. Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989.
10. Радаев Н.Е. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Яковлев А.М. Социальная структура общества. М.: Экзамен, 2002.

Социокультурная динамика П.А. Сорокина и неотрейдизм

Оганян К.К.

студент

*Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет,
гуманитарный факультет, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: karina_oganyan@mail.ru

Важным фактом, подтверждающим актуальность изучения творчества П.А. Сорокина является непреходящая ценность его идей и прозрений, его прогнозов, особенно в свете тех событий, которые происходят в нашей стране и во всем мире в настоящее время. Это подчеркивается и российскими, и зарубежными социологами.⁵ В данной работе проанализируем возможные точки соприкосновения теории П.А. Сорокина и взглядов неотрейдистов, обращая внимание на следующие положения: современное искусство – это музей социальной и культурной патологии. Влияние кризиса культуры на состояние и развитие личности; патологическое развитие личности в условиях кризиса чувственной культуры; факторы, влияющие на формирование невротической личности в кризисных условиях.⁶

Характеристика состояния современного общества пересекается с анализом природы и симптомов кризиса современной западной культуры П. А. Сорокина. Социолог видит проявление симптомов кризиса в трех существенных для бытия культуры областях: в изящных искусствах, в системах истины и в сфере этики и права [1]. Во всех трех областях культуры проявляется гипертрофированность материального начала и фальсификация духовного, возвышенного. По мнению П.А. Сорокина, человек в условиях кризиса чувственной культуры западного общества выступает «всего лишь марианеткой в руках слепой биологической эволюции, которая диктует все его действия и направляет весь ход его истории» [2, с. 854].

Среди проанализированных П.А. Сорокиным недугов чувственного искусства особо значение для выявления взаимопроникновения его теории и неотрейдизма имеют следующие: болезненная концентрация чувственного искусства на патологических типах людей и событиях; многообразие чувственного искусства постепенно приводит его ко все возрастающей непоследовательности и дезинтеграции [2, с. 804 -808]

Проанализировав особенности кризиса чувственной культуры, характерные и проявляющиеся в развитии современного общества, рассмотрим состояние и развитие личности в этих условиях с точки зрения представителей неотрейдизма.

Неотрейдисты утверждали, что психосоциальная дезадаптация происходит под влиянием культурных, социальных факторов, приобретающих стрессобразующий и травмирующий характер. Значимость культурных факторов в формировании невротической личности особо подчеркивается К. Хорни в ее работе «Невротическая личность нашего времени» [3].

Первая группа культурных факторов, связанных с неврозами – это обстоятельства, порождающие эмоциональную изоляцию, потенциальное враждебное

⁵ Джонстана Б.В. выражает высокое признание Сорокину за его достижения в социологии нынешнего дня, а не в социологии прошлого, много его работ предвосхищают главные или важные аспекты нашего нынешнего состояния. Это касается как России, так и Соединенных Штатов [6]. По мнению Дойкова Ю.В. , многие прозрения Сорокина оставались непонятыми в течение нескольких десятилетий; только сейчас постепенно начинает проясняться их истинный смысл и прогностическая сила [7], а Зверев В.М. обращает внимание на то, что суждения действительно великого ученого и сегодня звучат злободневно и намного точнее в анализе современной ситуации в России, чем многие труды наших современников [8]

⁶ Оганян К.К. Концепция социокультурной динамики П.А. Сорокина и современность. Вестник БПА. Вып. 85 – 2008. с. 66-68; Оганян К.К. Социокультурная динамика и проблемы молодежи//Актуальные проблемы молодежи в современной России. СПб.: СПГУТД, Изд. «Политон», 2008. с. 14-16.

напряжение между людьми, чувство небезопасности, страхи и чувство собственной беспомощности. Существующее значительное неравенство – составляет группу факторов, исполненных потенциальной враждебностью..

Вторая группа факторов – это внутренние запреты, потребности и стремления, образующие невротические конфликты. Человеком управляет не один принцип наслаждения – а, два главных принципа: безопасность и удовлетворение.

Хорни формулирует четыре «великих невроза нашего времени»: привязанности (поиски любви и одобрения любой ценой); власти (погоня за властью, престижем, обладанием); покорности; изоляции, или бегства от общества [см.3, с. 52]. Современное общество представляет собой постоянный источник фобий. Современная культура индуцирует чувство «коренной тревоги», или врожденное чувство беспокойства, присущее каждому человеку. Если сравнить невротическую картину в целом с состоянием невротической нестабильности в обществе, то базальная тревожность и базальная враждебность будут соответствовать лежащим в основании такой нестабильности недовольству и протестам против режима. Связь существует не между степенью вытеснения и развитием культуры, а между характером (качеством) индивидуальных конфликтов и характером (качеством) проблем, порождаемых культурой [3].

Для усиления взаимосвязи неотрейдизма с теорией П.А. Сорокина, а именно проблема взаимодействия психологических и социологических факторов обратимся к работам Э. Фромма «Бегство от свободы» и «Здоровое общество».

По мнению Э. Фромма, современное общество, монополистический капитализм, является душевнобольным, невротическим. Поэтому Фромм называет свою систему психоанализа «диагнозом болезни современной западной культуры» [4, с.145], а П.А. Сорокин подробно анализирует причины этого кризиса чувственной культуры. Фромм утверждает, что радикальные изменения экономических, социальных, политических сторон жизни сопутствуют столь же радикальные изменения в структуре личности. Человека создают не инстинкты и их подавление, а история. Характер человека, его страсти и тревоги – суть продукты культуры [5, с. 125].

Проведенный анализ по выявлению точек соприкосновения теории П.А. Сорокина и взглядов неотрейдистов показывает, что в условиях кризиса общества, культуры социологические и психологические факторы тесно переплетаются и взаимообуславливают друг друга: неотрейдисты более детально анализируют последствия кризиса общества, отражающиеся на развитии личности. Только новая интегрированная система ценностей, мышления, образа жизни должна прийти на смену разрушающегося утилитарного общества.

Литература

1. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени /Пер. с англ., сост. Т.С. Васильевой. М.: Наука, 1997.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства. истины, этики, права и общественных отношений /Пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000.
3. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. В кн.: Самоанализ/Пер. С англ. Под ред. А. Боковикова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
4. Erich Fromm, The Sane Society, Farrar, New York, 1945, p. 209//В кн.: Уэллс Г. Крах психоанализа от Фрейда к Фромму. М.: Изд-во Прогресс, 1968.
5. Erich Fromm, Escape from Freedom, Farrar, New York, 1941, pp. 9,13// В кн.: Уэллс Г. Крах психоанализа от Фрейда к Фромму. М.: Изд-во Прогресс, 1968.
6. Джонстон Б.В. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени // СОЦИСС. 1999 №6
7. Дойков Ю.В. Эпистолярное наследие П. Сорокина (переписка с С. Харпером) // СОЦИСС. 1996 №1

Потребность как категория социологического анализа

Онипко А.А.

Студент

*Уральский государственный университет им. А.М. Горького,
факультет политологии и социологии Екатеринбург, Россия*

E-mail: redman88@yandex.ru

Проблема потребностей всегда представляла интерес для исследователей различных дисциплин. Потребность как таковая непосредственно связана как с жизнедеятельностью человека, так и различных социальных групп, общностей и общества в целом. С одной стороны, потребность является одним из элементов мотивационной структуры личности, то есть раскрывается на микроуровне, с другой стороны, потребности всегда взаимосвязаны с социальной системой и их анализ возможен уже с точки зрения макроподхода. Кроме того, изучение потребностей не теряют актуальности, так как потребность сама по себе не только имеет несколько разновидностей, но и обладает свойством изменчивости, динамичности, то есть, можно сказать, что каждое конкретное время, конкретный социум характеризуется определенными потребностями, которые требуют изучения со стороны ученых-обществоведов. На сегодняшний день существует достаточное количество социологических, маркетинговых и других исследований, в основе которых встречается понятие «потребность». Но все же, для изучения конкретных потребностей необходимо понимать саму сущность данного понятия, четко его операционализировать. Именно поэтому важно рассмотрение потребности как научной категории, причем в ее социологическом понимании.

Обнаружение обстоятельств, вызывающих к жизни те или иные потребности, - необходимое условие выделения последних в исследовании. Если порождающие потребность причины обнаружены, то тем самым, во-первых, появляется возможность экстраполировать на нее особенности этих причин и далее – по свойствам потребности определять свойство деятельности ею обусловленной, а не наоборот, когда через особенности деятельности определяются потребности. В социологическом исследовании для изучения потребностей требуется не только уточнить терминологию, но и указать на особые свойства потребностей, предполагающие их различия в рамках общей социологической характеристики, то есть понятие потребность требует четкой операционализации. Свойства и признаки социальных потребностей могут быть раскрыты путем исследования процесса возникновения и проявления потребностей, в частности порождающего их источника и механизма формирования. У потребностей нет аналогий с вещами, свойства которых раскрываются во взаимодействии. Так как потребности это скрытая реальность, то без эмпирической фиксации их проявления, без механизма возникновения не возможно познание их свойств. То есть проблема классификации потребностей заключается в механизме формирования их различных видов, специфики их свойств и признаков. Недостаточная изученность всего этого не только не позволяет надежно отличать один вид социальных потребностей от другого, но и решать вопрос об их характере.

Феномен потребности был объектом теоретических и практических изысканий для представителей различных наук – философов, психологов, экономистов и социологов. Это говорит о междисциплинарной сущности данного понятия. Но, несмотря на то, что ученые занимаются данным вопросом уже более века, они так и не пришли к согласию по поводу содержания понятия «потребность». Рассмотрев некоторые из существующих взглядов в понимании потребностей человека (Здравомыслов, 1986. Ильин, 1995.

Леонтьев, 1983. Маслоу, 1999. Меренков, 2003), можно сказать, что потребность - состояние субъекта (индивида, группы, системы), создаваемое испытываемой им нуждой (необходимостью) в объектах, необходимых для его существования и развития и выступающих источником его активности. Потребности обнаруживаются в мотивах, влечениях, желаниях, побуждающих человека к деятельности и становящихся формой проявления потребности. Потребность связана с активностью, с энергией, она выступает неким механизмом, способом взаимодействия с окружающей средой. Потребности носят субъективно-объективный, динамический характер, так как с одной стороны складываются под влиянием внешних условий (социальное окружение, среда, уровень материального благосостояния и тому подобное), а, с другой стороны, они имеют некую внутреннюю предпосылку на уровне самой психики, природы человека. Потребность есть осознанное отношение, передающее направленность субъекта не только на объект, но и на самого себя. Благодаря этому потребность определяется не только объективно, но и субъективно – способностью её носителя понять, ощутить свою собственную необходимость, а также общественную необходимость. В этом и заключается сущность потребности.

При рассмотрении структуры потребностей нужно учитывать их видовую специфику, на основе того, кто их носитель, каков их объект и какова социальная связь между субъектом и объектом. Учет всего этого необходим для выявления конкретного механизма формирования потребностей, чёткого установления их свойств и признаков. Свойством потребности будет являться характеристика факторов, которые обуславливают существование этой потребности. К качественным свойствам потребности можно отнести: актуальность, насущность, направленность, характер, уровень напряжения, способ удовлетворения и др. Количественные свойства потребности – объем, общественный масштаб, общественная сила и степень удовлетворения. То есть свойства характеризуют существование и сущность потребности, а признаки – её проявление в символах и действиях.

В обобщённом виде типологию потребностей (исходя уже из социологического подхода) можно свести к двум полюсам, с одной стороны, (исходя из субъекта) – индивидуальные и общественные/социальные, и к двум полюсам, с другой стороны (исходя из объекта) – материальные и духовные. Объект потребности – вещи, ценности, услуги, формы деятельности, отвечающие её требованиям и потенциально имеющие возможность её удовлетворения. Таким образом, мы получаем некую систему координат: от индивидуальных потребностей к общественным и от духовных к материальным.

Эта система координат накладывается на более обширную классификацию потребностей, которая также по своей сути является биполярной. По критерию происхождения потребности можно разделить на естественные (так называемые природные, физиологические или первичные) – которые по своей сути являются витальными и направлены на самосохранение человека как биологического существа; и социогенные (социальные, вторичные) - которые характеризуют человека как сознательную личность, продукт общественной жизни.

Раскрытие и разработка понятия потребности с такой концептуальной позиции позволяет сочетать микро- и макро-уровни исследования, то есть работать в рамках интегративного подхода. Возможно, данный обобщенный взгляд на потребность покажется упрощенным, но задача заключалась именно в раскрытии сущностной и содержательной стороны этого понятия, его адаптации для решения прикладных задач научного изыскания.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Потребности, ценности, способности. М., 1986.
2. Ильин А. В. Мотивы человека. - М., 1995.
3. Леонтьев А. Н. Избирательные психологические произведения. - М., 1983.

4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
5. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003.
6. Тарасенко В.И. Социальные потребности личности: формирование, удовлетворение, развитие. Киев, 1982.

Личность и кризис

Патласова Е.Н.⁷

студентка

Пермский государственный технический университет, Пермь, Россия

E-mail: kogca@yandex.ru

Важной категорией современности является темп жизни. Современного человека можно сравнить гончей собакой. Он видит перед собой лишь ускользающую цель лучшей жизни, не обращая на всю прелесть обочин. Люди идут по пути инерциального развития. Они способны проявить динамику лишь в одной сфере своей жизнедеятельности – в потреблении. Стремятся повысить свой статус за счет вещизма. Образ жизни в условиях такой быстротечности приводит к расширению социальных связей, причем эта характеристика лишь количественная. Не смотря на кажущиеся разнообразие социальных связей, на практике это приводит, как бы это парадоксально не казалось, к обособленности личности. Это можно объяснить следующим образом: если человек с распростертой душой будет принимать каждого окружающего индивида, то в конечном итоге это может привести к психическим отклонениям. Наша психика, это тонкая материя и она не может выдерживать такой нагрузки. Что бы этого избежать, человек выработал модель отчуждения от посторонних людей. В результате чего образовался человек модульного типа. Каждый индивид обладает определенным набором социальных ролей и в зависимости от ситуации использует приемлемый образец поведения. Человек ощущает себя некоторым товаром, для которого необходимо как можно более часто менять свои конфигурации.

В эпоху экономического кризиса, самый злободневный вопрос: Что будет завтра? Пока экономисты бьются над финансовой стороной этого вопроса, мы попробуем определить его социальную сторону. Конечно, экономический крах приведет к общественному диссонансу. Никто не может с уверенностью сказать, что будет дальше, однако ясно одно – не возможен возврат к прежней модели общества. Если на вопрос, каким будет наше будущее, ответа нет, то на вопрос кто его будет творить ответ один – дети. Соответственно, необходимо исследовать инструменты социализации. Ведь как мы воспитаем подрастающее поколение, таким и будет мир в будущем.

Суть социализации на сегодняшний день заключаются в усвоении и приспособление к нормам и ценностям, ассимиляция в обществе. В процессе социализации человек усваивает определенные нормы и ценности общества, учится играть по правилам. Главным помощником в этом ему служит семья. Семья это первая ячейка общества с которой сталкивается человек, и что именно от семьи человека, зависит то кем он станет в будущем, и как он будет относиться к окружающему миру. Маленький человечек методом копирования усваивает основные формы поведения. Родители направляют вектор жизненных ценностей своего ребенка. Формируют в его сознании границы понимания, что есть «добро» и что есть «зло». Очень важно чтоб в семье царил уважение к мнению каждого, почитание авторитета старшего поколения. В настоящее время, зачастую у родителей не хватает времени, чтобы уделить достаточно внимания к собственным детям, это может в дальнейшем привести к девиантному

⁷ Автор выражает признательность профессору, доктору философских наук Парамоновой С.П. за помощь в подготовке тезисов.

развитию взрослеющей личности. Однако, сейчас, понятие семьи весьма размыто, появились новые ее формы. В какой бы семье не воспитывался человек, важно эмоциональное состояние ребенка. Семья должна стать для него точкой опоры, благодаря которой он мог бы перевернуть мир. Этого можно достичь, лишь пересмотрев позицию воспитания вообще. Необходимо создать условия, при которых ребенок был бы не ведомым, а соучастником.

Следующей ступенью развития человека является школа. Ребенок принимает первые в своей жизни самостоятельные решения. Учитя на своих ошибках. Проверяет, какие модели поведения, и в каких ситуациях приемлемы. Учитя взаимодействовать со сверстниками, образовывать малые группы. Осваивает новые роли друга, соперника, партнера, подчиненного. Учитя работать в команде. Ведь до этого момента мир крутился вокруг него. Он был как тепличное растение. Ему необходимо отстоять свое место в группе, завоевать уважение, показать другим, что он может, что он полезен группе. Все это очень трудные процессы, но помочь ему могут те фундаментальные навыки и нормы, которые дала ему семья. Школа же готовит человека к агрессивности внешнего мира, общества, продуцирует различные стрессовые ситуации и учит с ними бороться. Без этих навыков не возможно дальнейшее развитие личность.

Оптимальный продукт социализации до кризиса, есть человек, четко усвоивший правила игры, обладающий готовым набором действий на все случаи жизни, ассимилирующий в общество. Это привело к тому, что люди оказались абсолютно не чувствительны к переменам, они привыкли жить размеренно, по наперед известному алгоритму. Кризис подобно жерновом отшелушит все пустое бессмысленное и ненужное. После него должен возникнуть новый тип личности, способный к моделированию путей развития, мобильности взглядов, умению анализировать прогнозировать. Условно этот тип можно назвать инновационным человеком. Для его гармоничного развития необходимо видоизменить процесс социализации. На всех его стадиях необходимо, что бы взрослеющая личность не просто шла по проторенной дорожке осваивая правила, а сама принимала участие в создании чего то нового. Таким образом, необходимо не давать варианты решения той или иной задачи, а совсем наоборот ставить взрослеющую личность во все новые и новые сложные ситуации.

Литература

1. Тоффлер Э. (2003) Шок будущего. М.:ООО «Издательство АСТ».

Стиль жизни в работах М.Вебера

Пекарская Мария Михайловна

аспирант

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

E-mail: pekar2006@hotmail.com

Основу исследований стиля жизни заложил известный социолог Макс Вебер, который в своей работе «Класс, статус, партия» (1946) хотя и не дал точного определения данному понятию, но отметил тот факт, что все общество стратифицируется по статусным группам, которые отличаются друг от друга стилями жизни. Им были разведены понятия «социального статуса» и «социального класса». Он считал, что понятие «социального класса» в большей степени применимо только для экономической дифференциации, тогда как понятие «социальный статус» применимо для дифференциации представителей общества с точки зрения занимаемых им статусных позиций. М.Вебер считал, что «классы стратифицированы по их отношению к производству и способам доступа к благам, статусные же группы – по своим принципам потребления благ, выраженных в образах жизни» [1]. Основным фактором формирования класса являются экономические интересы. Стиль жизни выступает

функцией от социального статуса, его характеристику нельзя сводить только к экономическим переменным, т.к. социальный статус выходит за рамки экономических отношений, охватывает культурную и социальные системы – поведение, нормы, привычки, традиции и т.д. М.Вебер считал, что, если бы экономические успехи и экономическое влияние входили бы как фактор в оценку любого престижа вообще, то богатство давало бы больше престижа, чем образ жизни [1]. Но этого не происходит.

М.Вебер считал, что статусный престиж человека выражается в особом образе жизни, который должен вести человек, претендующий на принадлежать к определенному кругу. Таким образом, человек, который желает быть причисленным к определенному кругу людей, необходимо постоянно демонстрировать ожидаемый стиль жизни в обществе. М.Вебер, отметил и то, что наиболее ярко поддержание определенного стиля жизни отмечается у самых привилегированных слоев общества. «Любая «стилизация» жизни либо порождает статус, либо его консервирует» [2]. Подход М.Вебера к определению «стиля жизни» до сих пор находит поддержку у социологов.

Теоретический анализ концепции М.Вебера позволяет выявить общие тенденции развития современной системы социальной стратификации в Республике Беларусь, построить сложную модель классовой структуры белорусского общества, включая в нее социокультурные факторы.

Литература

1. Вебер, М. Класс, партия, статус // Социальная стратификация / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 1992. – Вып.1. С.36.
2. Вебер, М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. - № 5. – С.153.

Современное общество - общество постмодерна в произведениях М.Фуко

Поносова Елена Олеговна

Студентка

Пермский государственный технический университет, Пермь, Россия

E-mail: lp1004@yandex.ru

Современный образ жизни существенно отличается от жизненного строя предыдущих эпох. Во всех сферах жизни происходят кардинальные перемены. Изменения в социальных процессах приводят к формированию нового стиля мышления людей и, соответственно, к возникновению новой культуры.

Для характеристики нового социального строя используются такие категории как постиндустриальное общество, информационное общество. Но все процессы, происходящие в современном обществе, как нельзя лучше отображены в явлении постмодернизма. Основными идеями нового социального порядка являются представление культурного пространства как системы знаков, вопрос о языковом характере мышления, осознание важности информации и влияния знания на социальные процессы в рамках культурного контекста.

Неоднозначность постмодернизма, присутствие элементов различных эпох порождает и массу разнообразных подходов к пониманию этого явления. Поэтому характерными чертами постмодерна являются плюрализм, терпимость, стремление к нескванным возможностям и вытекающие из этого децентрализация, изменчивость, контекстуальность.

Исследованием постмодернизма занимались такие философы, мыслители, ученые как Ж.Лакан, Ж.-Ф.Лиотар, Ж.Деррида, Э.Гидденс, У.Гибсон, М.Фуко.

Уникальной фигурой в развитии постмодерна является французский философ и мыслитель М.Фуко. Темы, которые затрагивает Фуко, касаются многих аспектов:

безумие и сознательность, язык, сексуальность, власть и знание. И все это входит в границы изучения современного общества. Особо интересен аспект рассмотрения Фуко влияния знания на конкретные социальные процессы и на формирование нового видения мира.

В работе «Надзирать и наказывать» философ рассматривает отношение «знание – власть».⁸ При первом прочтении перед нами предстают исторические эпохи и уровни осуществления власти в данный период. От описания сцен казни в Средние века Фуко переходит к рассказу о тюремном заключении, возникшем позднее. Но истинный смысл работы - в рассмотрении значения знания в осуществлении власти. Сам философ определяет тематику «Надзирать и наказывать» как «сравнительную историю современной души и новой власти судить».

Если ранее власть была направлена на наказание «бренного тела», то сейчас на подавление души индивида, на его сознание. Исключенные из практики уголовных наказаний казни заменяются тюремным заключением, а, по мнению Фуко, «тюрьма сейчас - урок, дискурс, инструмент познания». «Наказание поражает скорее душу, чем тело», - говорит Фуко.

Это как нельзя лучше указывает на одну из главных черт постмодерна – особый статус знания. В данной работе особо важно то, что власть производит знание, они непосредственно предполагают друг друга. Момент возникновения современного знания одновременно является моментом возникновения новой политики власти.

А для современного общества влияние власти особо ощутимо. Ведь действия политических лидеров сказываются на жизни широких масс, их решения стимулируют перемены в социальной жизни намного сильнее, чем раньше.

В работе «Слова и вещи» Фуко рассматривает аспект изменения формы мышления человека.⁹ Это не слова, не символы и не жесты, а нечто историческое - это так называемое «эпистемологическое поле». «Эпистема» - «исторические априори», уровень научных представлений, уровень знания, характерный для какого-либо исторического периода. Знания по Фуко – «система упорядочивания вещей и соотнесения их со словами».

Фуко вводит три эпистемы, т.е. три системы знания:

- «ренессансная эпистема» - слова и вещи тождественны, язык не является обособленной знаковой системой, а рассеян среди природных вещей, слова и вещи составляют единый текст;

- «классическая эпистема» - слова и вещи взаимодействуют через мышление, язык становится автономной системой знаков, что приводит к математизации знания, к рождению таких самостоятельных научных дисциплин как «всеобщая грамматика», «естественная история»;

- «современная эпистема» - слова и вещи опосредованы через язык, язык становится объектом познания, превращается в систему формальных элементов, он замыкается на самом себе, выделяет свое самостоятельное бытие.

Изучение же самого человека Фуко предлагает через такие эмпирические объекты как язык (механизмы общения), жизнь (биологическая составляющая), труд (механизмы экономики). Личность становится похожа на калейдоскоп фрагментов истории, фактов науки, социальных связей, вписанных в контекст культуры.

Но познание в целом намного сложнее и устойчивее, чем изучение человека. Поэтому при изменении знания, переходе его в новый статус, использовании его как механизма власти изменяется и культура, и мышление человека.

⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ Пер. с фр. В.Наумова под ред. И.Борисовой - М., Ad Marginem, 1999. - 480с.

⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук/ Пер. с фр. В.П.Визгина, Н.С.Автономова – СПб., А-сэд, 1994.- 408с.

Подводя итог, важно отметить необходимость рассмотрения такого необычного направления культуры как постмодернизм. Ведь только при изучении постмодерна можно понять особенности развития современного социума и субъекта в нем, а, следовательно, предугадать негативные процессы, которые могут возникнуть и сказаться на развитии современного общества, становления новой культуры.

Литература

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ Пер. с фр. В.Наумова под ред. И.Борисовой - М., Ad Marginem, 1999. - 480с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук/ Пер. с фр. В.П.Визгина, Н.С.Автономовой – СПб., А-сad, 1994.- 408с.

Негосударственная (комерческая) социология: проблема статусной идентификации

Рыбщун Александр Викторович

ведущий социолог

отдел истории, теории и методологии социологии

Институт социологии НАН Украины,

Киев, Украина

E-mail: arybshchun@mail.ru

Введение

Последние 20 лет – новая эпоха постсоветского общественного развития, кое разные республики осуществили по разным сценариям. Но, не смотря на то, что общественные сценарии эти отличались, одновременно можна отметить и некое их подобие, закономерное сходство основных институциональных процессов (20 лет – срок в исторических масштабах еще весьма невелик).

Рецептивно развитию общества происходило развитие обществоведения и социологического знания. Именно за последние годы социология на постсоветском пространстве наконец вышла на финишные рубежи собственной институционализации. И институционализация эта, опять таки, стала отражением институциональных изменений постсоветской науки в узком смысле, и общественного развития – в смысле более широком.

Показательным примером здесь стали организационные изменения, возникновение на постсоветском пространстве новых формы социологического знания и социологической практики в момент интенсивного проникновения в общество и науку рыночных отношений. Речь далее пойдет о негосударственных комерческих социологических центрах на примере украинской социологии.

Первые центры этого типа в Советском Союзе возникли еще во времена перестроечных реформ, когда стало возможным предоставлять социологические услуги за четко фиксированную оплату. На Украине первыми стали Киевский исследовательский центр социологии, созданный на базе одного из подразделений УСА в 1989г. (реорганизован в 1992г. в Кивский международный институт социологии) и фирма «СОЦИС», возникшая в 1988г. как подразделение ВЦИОМа.

Что же привело к появлению на постсоветских пространствах подобной новой формы научного знания и социологической практики? Какое место она заняла в структуре социологической практики? Попробуем хотя бы фрагментарно очертить проблему.

Методы

Основанием этого доклада стали отдельные результаты диссертационного исследования по изучению истории восстановления и институционализации украинской социологии в советское время и развития ее на современном этапе. Массив информационной эмпирии для последующего анализа и размышлений был получен посредством экспертных интервью ведущих украинских социологов и вторичного анализа опубликованных за последние годы научных трудов.

Результаты

Безусловно, основными причинами становления «коммерческой» социологии стала либерализация политического режима и внедрение новых форм экономических отношений и политической борьбы на пространствах перестроечного государства. На этом фоне актуализировалась необходимость в оперативной информации о конкурентах и общей картине рынка, и именно эта нужда стимулировала отдельных наиболее активных социологов «коммерциализоваться», создавая при этом независимые социологические центры, деятельность которых сразу же была направлена на электоральные, политические, маркетинговые, медиа исследования. Другой существенной причиной стало сокращение социального заказа на популярные ранее исследования прикладного характера, что стимулировало срочную переквалификацию бывших социологов-нетеоретиков. Постепенно практика создания подобных негосударственных исследовательских центров распространялась, и к концу 90-х гг. они уже окончательно утвердились на рынке электоральных и маркетинговых исследований. Так что можем констатировать, что реальное институциональное становление коммерческой социологии состоялось.

Несмотря на столь быстрое становление, характер влияния подобных центров на развитие отечественной социологии на сегодняшний день все еще не определен и даже не осмыслен. Их специалисты берутся за разработку весьма ограниченного круга конкретных исследовательских проблем, что привело к конфликту с представителями академической и вузовской социологий, к обвинениям «комерсантов» в непрофессионализме и псевдонаучности. Но одновременно весьма значительная часть маститых ученых задействована в проектах подобных структур, возглавляют их, консультируют и т.п., так что подобные обвинения часто просто беспочвенны. Более глубокой стала негативная тенденция, что проявилась во влиянии негосударственных социологических центров на другие формы науки из-за «отбора молодого интеллекта», когда именно «коммерческие» структуры могут предложить бывшему талантливому студенту или аспиранту финансовое обеспечение и стабильность, интересную профессиональную деятельность и карьерный рост. И опять таки, в противовес можно выявить серьезные положительные тенденции, что наоборот – стимулируют развитие науки: переход на международный исследовательский стандарт, популяризация новейших социологических методик, ресурсная помощь (финансами, кадрами, методами) академическим и вузовским социологам в реализации фундаментальных проектов.

Фактически, негосударственные социологические центры сегодня, став самостоятельным организационным уровнем отечественной социологии и отыгрывая существенную роль в ее развитии, до сих пор статусно не идентифицированы.

Изучение сакрально-богослужебного пространства: метод медленного чтения

Рыйгас Елена Владимировна

Аспирантка

Социологический институт РАН, Петербург, Россия

E-mail: ruygas@rambler.ru

Метод прямого наблюдения за действиями членов религиозной общины непосредственно на «их территории» многими исследователями ставится под сомнение, поскольку считается, что происходящие внутри сакрально-богослужебного пространства события не могут давать полного представления о состоянии религиозности общества. Также полагается, что, например, нельзя прийти в церковь на Пасху, пересчитать всех верующих и сделать вывод о распространенности православия в России. Однако, пристальный метод наблюдения все же позволяет выявить не только количественные, но и качественные характеристики религиозности.

Почти все традиционные религии обладают схожей характеристикой – наличием сакрально-богослужебного пространства, архитектурно воплощаемого в виде храмов или церквей. Как писал В. Гюго: «каждая идея нуждается в осязаемом выражении, каждому принципу нужна зримая оболочка; церковь не что иное, как идея Бога, заключенная в четырех стенах: каждый догмат требует храма (Гюго, с. 144). Согласно М. Элиаде, «понятие сакрального пространства предполагает идею повторения изначальной иерофании» (Элиаде, II, с. 253), в случае монотеистических религий, сакральное пространство представляет собой не только место пребывания «Сакральной инстанции» (в терминологии М.Ю. Смирнова), но также пространство коммуникации человека с ней. Сакральное пространство задается в этом случае самими людьми, т.е. литургической общиной. В предлагаемой модели исследования сакрального пространства одной из христианских конфессий, а именно православия, литургическая община мыслится в качестве одного из целого ряда элементов в посреднической структуре, неизбежно возникающей на траектории между человеком и Сакральным. Любое сакральное пространство, кроме внешних, архитектурных, маркеров, обладает также внутренним объемом, который разворачивается в виде символически насыщенного текста, доступного для беглого или, наоборот, пристального чтения (в стиле школы деконструктивистов). Сконцентрированная внутри сакрального пространства событийность распадается на несколько уровней, обладающих той или иной степенью подвижности - от икон, статуй и элементов интерьера до собрания людей, правил поведения и производимых действий (иначе говоря: архитектуры, комплекса сакральных артефактов, общины и событий).

Предлагаемый в качестве способа исследования метод наблюдения основывается на нескольких принципах, к которым относится деление сакрального пространства на участки, различающиеся друг от друга «информационной насыщенностью». В зависимости от расположения исследователя к событийному центру (месту концентрации литургической общины) и его расположения в точке визуальной и слуховой досягаемости информационный поток будет качественно различаться. Именно поэтому для полного описания сакрального пространства необходима смена нескольких ракурсов. Одним из условий наблюдения является также строго задаваемый фокус зрительного восприятия – в 90 градусов, когда видимый горизонт ограничивается двумя условными линиями по обе стороны от мысленного угла, за пределами которых все происходящее воспринимается только в качестве фоновой информации.

Результаты наблюдения показали отличительные особенности сакрального пространства православных храмов, которое, по сравнению с другими христианскими традициями, предстает не только интерьерным оформлением литургических действий, но также своеобразным фоновым дополнением к индивидуальным молитвенным практикам. Регламентация пространства происходит при помощи набора функционально значимых действий, совершаемых ограниченным количеством священнослужителей. Соотношение постоянных прихожан к числу временных посетителей храма (туристов или просто любопытствующих) определяется как один к трем - с перевесом в сторону последних. По гендерным параметрам в литургическом сообществе доминируют женщины при количестве мужчин в 25-30%. Если женская часть общины отражает, как правило, все возрастные категории (от 5 до 85 лет), то среди мужской части верующих

бросается в глаза почти полное отсутствие лиц, относящихся к возрасту от 12 до 30 лет, т.е. налицо своеобразный генерационный разрыв с промежутком в 20 лет (как раз сопоставимым с 18-летним периодом восстановления института религии в России).

Основой как коллективных, так и индивидуальных религиозных практик, совершаемых в храме, является коммуникация с Сакральным, опосредованная теми артефактами, которые, в терминологии Элиаде, представляют собой одну из модальностей Сакрального (Элиаде, I, с. 40): иконы, крест, свечи и другие освященные предметы. По наблюдению, обязательным элементом данной коммуникации являются тактильные действия, т.е. прикосновения. Их интенсивность и произвольность определяется самостоятельно, поэтому способы поклонения, например, иконам варьируются от традиционного (целование) до вербального контакта с прикладыванием к иконе различных предметов из сферы профанного: фотографий или документов. Принцип тактильного контакта с сакральными артефактами неизбежно приводит к ярко выраженной агональности, когда при наличии большого количества участников любой элемент посреднической системы: событие, сакральный артефакт, священнослужитель и т.д. приобретает характер «ограниченного блага» (по терминологии Дж. Фостера) и затем распределяется согласно существующим приоритетам по нисходящей иерархической линии. Само собой разумеется, что в таком контексте наблюдается стремление получить как можно более существенную долю от распределяемого «блага».

В целом, наблюдаемая картина подтверждает концепцию М. Элиаде о том, что существование иерофанических модальностей по-разному воспринимается и интерпретируется членами общины, на что указывает большое разнообразие коллективных и индивидуальных практик внутри сакрального пространства. При этом, каждая из интерпретаций лишь «отражает реальные, подлинные стороны сакрального содержания» (Элиаде, I, с. 40). Наблюдаемое статистическое неравенство в соотношении участников богослужения и временных посетителей обнаруживает лишь тот факт, что большинство людей находится просто в другой рецептивной перспективе по отношению к Сакральному. Как бы то ни было, это составная часть процесса рехристианизации российского социума (Андреева, с. 67).

Пространство храма, имеющее несколько символических горизонтов, обеспечивает возможности для той деятельности, которая, выражаясь словами Барта, является новой теургией, где «созидание или отражение не являются ... неким первородным отпечатком мира, а самым настоящим строительством такого мира, который походит на первичный, но не копирует его, а делает интеллигибельным» (Барт). По замечанию Т. Шибутани, «человеческие существа живут одновременно в двух средах – в естественном окружении, состоящем из реально существующих вещей, и в окружении символическом... Символическая среда – это не простая репродукция внешнего мира; благодаря способности пользоваться символами люди в состоянии видоизменять свое окружение» (Шибутани, с. 120).

Литература

1. Андреева Л. А. Процесс рехристианизации в секулярном российском обществе // Социс. № 8. 2008. Сс. 67-73
2. Барт Р., «Структурализм как деятельность» (электронный ресурс)
3. Гюго В. Девяносто третий год. Собрание соч. в 6 т. Изд-во «Правда», М., 1988. Т. 6.
4. Смирнов М.Ю. Мифология и религия в российском сознании. СПб., 2000
5. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов на-Дону, «Феникс», 1998
6. Элиаде М. Трактат по истории религий. «Алетейя», СПб., 1999. В 2-х т.

Кризис и капитализм

Семкова Н.В.

Студентка

*Пермский Государственный Технический Университет, гуманитарный факультет,
Пермь, Россия*

e-mail: Copiraita@mail.ru

Следует рассматривать современный кризис в экономике, прежде всего как время для обновления общества. История показала, что именно в такие сложные для всего мира периоды и происходят качественные скачки в развитии цивилизаций. Кризис это время инноваций, а они невозможны при нынешнем развитии отчуждения. Общество должно стряхнуть с себя те оковы отчуждения, которые становятся препятствием для дальнейшего развития системы.

Кризис не просто тупик в экономическом развитии, это тупик в развитии капитализма и порождённого им общества потребления. Люди, не считающиеся с окружающей природой, живущие ради потребления вымышленной ценности товаров, забывающие свои корни, отвернувшиеся друг от друга и от себя самих, не могут идти в сторону развития в современной ситуации, без изменения этих характеристик. Люди, отчуждённые от своей работы и от своей жизни не могут производить и потреблять в том объёме и с тем качеством, которые требуются при конструировании нового формата взаимоотношений между обществом и экономической системой, между обществом и его членами. Отчуждение стало одной из главных проблем капитализма, потому что люди перестали чувствовать себя частью общества. Силы социума, институты, социальные отношения, воспринимаются ими обезличенно, тогда как на самом деле это и есть сами люди, ведь именно люди их формируют. Развивается бюрократизация и чрезмерное преобладание инструментальных ценностей в труде и в жизни людей, что стопорит развитие производства и общественных отношений, гоня их по кругу, но не выводя их на новый уровень.

Тяжёлый экономический кризис, который мы наблюдаем, может помочь не только России, но и всему миру по другому взглянуть на окружающую их социальную реальность, понять свои ошибки, обновить взгляд на вещи, на взаимоотношения между людьми.

Капитализм как система общества не выйдет из нынешнего кризиса прежним. Скорее всего, время коммунизма и социализма ещё не придёт вместе с этим, потому что так или иначе, люди ещё не смогут признать равное распределение благ и капитала, но прежнего капитализма, который мы привыкли видеть, с его бешеной гонкой наращивания капитала уже не будет. Общество меняется. Это продолжение того процесса, который начался при развале советского союза. Тогда американская идеология, её система общественных отношений, одержала верх. Мир до этого державшийся на балансе двух сил, стал однополярным, разрушив равновесие, и это состояние удерживалось до кризиса. Мир после этого кризиса перестанет быть однополярным, с центром в США, он станет по-настоящему многополярным. Такой мир не позволит скапливаться капиталу в одном месте, он будет стараться равномерно распределить его между всеми государствами центрами. Появится некий гибрид, который не будет капитализмом в полной мере, в той к которой мы привыкли.

По закону диалектики «о борьбе и единстве противоположностей» не может в мире долго существовать какая-то идея или система, если у неё нет конкурентного соперника. Так, скорее всего, пришло время для современного капитализма. Возможно, нынешний кризис не станет той силой, которая заставит людей вытолкнуть общество на новый уровень развития, но то, что кризис мировой, говорит о том, что в мире где всё взаимосвязано, не может случиться так, что бы какая-то сторона осталась не затронутой для изменения.

Литература

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб, 2001
2. Фромм Э. Человек Одинок // Иностранная литература, 1966, №1. - С.230-233

Социологическая интерпретация социального времени в контексте проблемы структурирования будущего

Скок Наталья Сергеевна

Преподаватель

*Донецкий государственный университет управления
факультета права и социального управления, Донецк, Украина*

E-mail: Nplast@bk.ru

Актуальность исследования субъективного времени человека обусловлена существованием определенного ряда проблем общетеоретического, теоретико-методологического и прикладного характера, обостряющихся в связи с социальной неопределенностью, присущей переходному обществу. Интерпретация времени в социологии как физической, объективной, независимой сменной усиливает актуальность проблемы выяснения сущности субъективного времени человека в контексте проблемы структурирования будущего.

Нашей целью являются обобщения существующих социально-философских взглядов относительно исследования феномена социального времени и попытка экстраполировать их на современное понимание социальных изменений, выяснить и уточнить возможности структурирования будущего в переходной период.

Обращение к феномену времени в социологии связано с именем Дюркгейма Э., который считал, что именно ритм социальной жизни лежит в основе категории «время». Также исследовали проблемы времени Мид Дж., Ясперс К, Сорокин П.А., Мертон Р.К., Гурвич Ж., Штомпка П. Проблема субъективного времени в большей степени исследуется в социологических теориях с феноменологической и экзистенциальной ориентацией (Гусерль Э., Бергсон А., Хайдегер М., Шюц А., Сартр Ж.-П.). Проблема социального времени достаточно часто становилась объектом внимания таких исследователей, как Артемов В.А., Яковлев В.П., Ханаху Р.А., Рекорд И.Г., Горяинов В.П., Наумова Н.Ф., Бондаренко-Бринь В.В. Анализ современных исследований социального времени свидетельствует о создании предпосылок для изучения структурирования будущего в переходное время, что поможет лучше понять и сделать более доступным для управления социальные процессы. Необходимо сказать, что среди многочисленных исследований социального времени не изучается его практическая значимость для социального управления, и в целом проблема структурирования будущего в переходном периоде не исследуется как актуальная. Попытка экстраполировать существующие социально-философские взгляды относительно феномена социального времени на понимание социальных изменений, которые происходят в переходном обществе, связанна с актуализацией проблемы структурирования будущего.

Социальные изменения, характерные для переходного периода, происходят как изменения в межличностных отношениях, в деятельности социальных институтов и организаций, малых и больших социальных групп, изменения на социетальном и глобальном уровне, поскольку «разные слои общества живут, по большей части, в разном социальном времени» [1, с. 15]. Можно сказать, что переходной период – это временной конструкт, который имеет присущие лишь ему черты и специфику. Переходные системы предельно динамические и неустойчивые, в них неизбежно возникают социальная нестабильность и кризисные ситуации. Главной причиной нарушения социальной стабильности есть неэффективное институциональное

регулирование борьбы интересов разных социальных групп и общественно-политических сил. Такое нарушение может быть количественным, обратным (в таком случае оно имеет ситуативный характер и преодолевается методами социального управления) и качественным, необратимым (перерастает в социальный кризис) [2, с. 116].

Целесообразность структурирования будущего возникает как вопрос в связи с тем, что будущее воображается чем-то призрачным, таким, что никогда не настает. Настоящее для нас будет структурированным лишь при условиях структурирования будущего, наше время постепенно приближается к нему. Структурирование как попытка определить некоторые элементы будущего, спроектировать пути для сближения с настоящим временем, выполняет функции целеположения, планирование. Сегодняшние условия и содержание жизни общества и личности настолько быстро изменяются, что жить лишь настоящим означает, что завтра придется жить лишь прошлым. В переходном обществе усиливается ориентация на индивидуальную мобильность, возрастает уровень группового эгоизма, становится актуальным процесс стихийного социального сравнения, при таких условиях социальное управление регулирует изменяемые социальные интересы с ощутимым опозданием. Стремление к свободному стратегическому выбору все чаще заменяет стремление создать для себя временный, но интегрированный микромир [2, с. 121]. В связи с этим каждое нормативно-ценностное измерение личности становится все менее связанным с другими, общее несогласование социальных установок превращается в их дискретность, которая воплощается в феномене переживания социального времени. Проблема обостряется в связи с социальной неопределенностью, которая присущая переходному обществу. В таком обществе человек, стремясь к свободному выбору, ощущает давление внешнего, объективного времени, сталкиваясь с несовместимыми во времени целями и противоречивыми средствами их достижения, необходимостью постоянно и напряженно взаимодействовать со временем.

Адекватное понимание современности невозможно без анализа социального времени как времени существования, функционирования и изменения сообществ на разных уровнях социальной реальности. Исследование специфики социального времени способствует тому, что более понятными и доступными для управления становятся социальные изменения. Поиск факторов, внутренне детерминирующих социальное поведение человека в связи с проблемой структурирования своего будущего, связанный с экзистенциально наиболее важными сферами его жизни, которые крайне тяжело поддаются формализации, а тем более – управлению. Выбор адекватной методологии, способной преодолеть такого рода ограничения, является предпосылкой определения основных параметров, по которым должны измеряться, прогнозироваться и подвергаться социально-управленческому влиянию состояние субъективного времени и ритмы жизни населения, мотивационно-ценностное содержание программ и проектов, которыми оперирует реально существующее социальное управление. Согласно с пониманием того, что для переходного общества наиболее актуальным является настоящее, структурирование будущего возникает как задача отказа от диктата прошлого и расширения возможностей формирования реальных альтернатив будущего.

Литература

1. Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // СОЦИС. – 2006. – № 4. – С. 3-16.
2. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? // Человек и модернизация России. – М.: КАНОН⁺; РООН «Реабилитация», 2006. – С. 5-220.

Роль традиционного образования в условиях унификации культуры России.

Торосян Д.Р.¹⁰

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

социологический факультет. Москва. Россия.

E-mail: juleta022yandex.ru

В современном российском обществе происходят активные трансформационные процессы, которые захватывают экономическую, политическую, социальную сферы и решительно изменяют условия жизни людей. Эти трансформации переходят и в сферу культуры, которая в последние десятилетия существенно преобразилась под влиянием ряда факторов, и не в последнюю очередь — фактора становления глобальных систем коммуникации. Телевидение, компьютер, Интернет, мобильный телефон за четверть века не только стали доступными для значительной части человечества коммуникативными средствами, но и вошли в повседневную жизнь, в повседневные социальные и культурные практики сотен миллионов людей. В итоге активно меняется и процесс социализации. Культурная социализация молодежи испытывает на себе влияние новых коммуникативных ресурсов. По мере развития глобальных систем коммуникации и их совершенствования нарастает противоречие в передаче культурного опыта между поколениями: старшее поколение меньше готово использовать возможности глобальных систем коммуникации, чем младшее, а это значит, что слабее реализует функции культурной трансляции и социального контроля.

Возникает исследовательская проблема: как же в такой ситуации сохраняются базовые культурные ценности общества, как функционирует культурная социализация? А также более конкретные вопросы: каковы особенности культурной социализации в условиях становления глобальных систем коммуникации; каковы параметры этого процесса применительно к молодежи России? Все эти вопросы не могли возникнуть раньше, чем определился глобальный переход к информационной цивилизации, поэтому они пока недостаточно изучены. Это определяет актуальность избранной темы.

Литература

1. Бергер П.Л., Хантингтон С.П. (2004) Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.
2. Добренков В.И. (2006) Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006.
3. Дубин Б.И. (2007) Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. 2007.
4. Луков А. В. (2006) Культурная социализация российской молодежи в условиях становления глобальных систем коммуникации: направления исследования // Высшее образование для XXI века: Третья международная научная конференция, МосГУ, 18–20 октября 2006 г.: Доклады и материалы / Под общ. ред. И. М. Ильинского. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.
5. Россия: Планетарные процессы. Под ред. В.Ю. Большакова, СПб., 2002.

Исследование преступности социологами Чикагской школы

Тункина Ольга Сергеевна

Студентка

Московский государственный лингвистический университет

Институт международных отношений и социально-политических наук

Кафедра социологии, Москва, Россия

E-mail: getera18@mail.ru

¹⁰ Автор выражает признательность профессору, д.ф.н. Добренкову В.И. за помощь в подготовке тезисов.

В современном обществе стоит проблема высокого роста преступности. Многие социологи занимаются изучением преступной деятельности, для того чтобы найти причины девиантного поведения и попытаться найти способы устранения их. Существует множество теорий, объясняющих преступное поведение: биологические, психологические, социологические. Следует выделить, прежде всего, социологические теории, так как преступность связана с институтами общества и вне общества существовать не может.

Исследования делинквентности, подростковых шаяк, банд, преступности и организованной преступности – одна из важнейших составляющих широкой исследовательской программы, осуществленной Чикагской школой в 20 –е 30 – е годы. Историки социологии считают, что в этой области вклад Чикагской школы был наиболее значительным.

Исследования социологов чикагской школы показали, что в отдельных районах города уровень преступности в течение многих лет оставался стабильным, несмотря на изменения в этническом составе населения. Ученые сделали вывод, что криминальное поведение может передаваться от одного поколения к другому. Молодежь, живущая в районах высокой преступности, усваивает преступные модели поведения.

В российском обществе в последнее время наблюдается рост преступности.

Преступность можно определить как совокупность массовых видов преступлений, обладающая определенным состоянием, уровнем и динамикой. Развитие преступности в России связано с крушением тоталитарной системы. Кризис 90 – х годов отрицательно отразился на состоянии общества. Многие люди потеряли работу и средства к существованию.

В своей работе Джон Ландеско показал, что многие преступники, отбыв срок в местах лишения свободы снова возвращаются к преступной деятельности. Так же и в современной России невозможность трудоустройства на хорошую работу людей имеющих судимость ведет к тому, что человек возвращается к преступной деятельности. Многие не могут адаптироваться в обществе. Общество само создает возможности для совершения преступлений. Преступник лишь реализуют эту возможность.

Литература

- 1) *Парк Р.Э.* Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 29-43.
- 2) Robert E. Park E.W. Burgess The City
- 3) Вирт *Л.* Введение в изучение преступности // Личность. Культура. Общество. 2003. Том V, выпуск 3/4. С. 197-203.
- 4) Ландеско *Д.* Организованная преступность в Чикаго (автореферат) // Личность. Культура. Общество. 2003. Том V, выпуск 3/4. С. 204-236.
- 5) Трэшер *Ф.М.* Шайка: Исследование 1313 шаяк Чикаго (автореферат диссертации) // Личность. Культура. Общество. 2003. Том V, выпуск 3/4. С. 237-244.
- 6) Николаев *В.Г.* Чикагская школа социологии о преступности // Личность. Культура. Общество. 2003. Том V, выпуск 3/4. С. 189-197.
- 7) *Reckless W.C.* The Sociologist Looks at Crime // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 217. Sep, 1941. P. 76-83
- 8) Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Перевод с французского Е.А.Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс». С. 299-313
- 9) Лунеев *В. В.* Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологические исследования 1996. № 7.

Основные этапы и общая характеристика мировоззренческой эволюции Константина Леонтьева в 50-70-е гг. XIX века

Тюренков Михаил Анатольевич

Соискатель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: mt@socio.msu.ru

Становление религиозно-консервативного социально-иерархического мировоззрения Константина Леонтьева, также как идейная эволюция значительной части русских консерваторов XIX – XX вв. (Н.Я. Данилевского, М.Н. Каткова, Л.А. Тихомирова, П.Б. Струве и др.), в целом укладывается в рамки традиционной возрастной переоценки ценностей. Изменение социально-политических, религиозных и аксиологических позиций «вправо», с четко обозначенным религиозно-консервативным вектором не является чем-то экстраординарным, однако идейно-теоретический путь Константина Леонтьева нельзя назвать типичным. Так, в изменении взглядов последнего более четко заметна религиозная доминанта, обусловленная не столько общим «поправением», сколько непосредственным мистическим опытом, приведшим не только к переоценке определенных ценностей, но изменившим картину мира в целом. В то же время некоторые базовые социальные, моральные и эстетические позиции мыслителя сохранялись на протяжении всего периода его интеллектуальной жизни во многом идентичными, хотя и были подвергнуты преломлению через призму религиозно-консервативного миропонимания.

Хронологические рамки идейной эволюции К.Н. Леонтьева стоит ограничить 50-70 гг. XIX столетия. Можно утверждать, что именно в обозначенный период становление взглядов Константина Леонтьева завершилось полностью и в дальнейшем его идейные позиции не подвергались существенной трансформации, углублялось лишь религиозное миропонимание, в итоге приведшее мыслителя к иноческому постригу.

К середине 70-х годов XIX столетия К.Н. Леонтьев подошел как сложившийся фундаментальный православный консерватор, антиэгалитарный сословно-иерархический монархист, противопоставлявший «яркую, аристократическую личность эпохи «цветущей сложности» продукту нивелировки – «среднему человеку» эпохи «вторичного упрощения»».

Мыслитель стоял особняком среди современников-консерваторов, как славянофильской, так и имперско-охранительной направленности. От первых его отличало критическое отношение к славянству (и, особенно, к панславизму), от вторых – оригинальная позиция по целому комплексу внешне- и внутривосточных вопросов (включая церковно-общественную проблематику). Также с абсолютным большинством консерваторов Леонтьев расходился в своем неприятии политического национализма.

В дальнейшем – в течение второй половины 70-80-х гг. XIX столетия – Константин Леонтьев уже не отказывался от мировоззренческих позиций, сформировавшихся в 60-70-е гг., но лишь развивал, углублял и конкретизировал основные положения своей консервативной теории. Таким образом, мировоззренческая эволюция К.Н. Леонтьева укладывается в рамки следующей представленной ниже схемы.

1. На первом этапе идейного становления (начало 50-х гг.) юный Константин Леонтьев не избежал увлечения социально-политическим радикализмом и республиканством, а в религиозном отношении был достаточно близок к атеизму.

2. На втором этапе (середина-конец 50-х гг.) будущий мыслитель пришел к достаточно аморфному либерализму.

3. Третий этап (60-е гг.) ознаменовался приходом К.Н. Леонтьева к не менее аморфному и практически безрелигиозному консерватизму.

4. Четвертый этап (с начала 70-х гг. вплоть до конца своих дней). Окончательное оформление мировоззренческой позиции К.Н. Леонтьева как православного консерватора с универсальной системой взглядов, отличной как от постславянофильского, так и имперско-охранительного консерватизма современников.

Таким образом, можно сделать вывод, что в своем мировоззренческом становлении К.Н. Леонтьев совершил, с одной стороны, традиционную для многих консерваторов «эволюцию вправо», но, с другой стороны, в социальных аспектах своего творчества оставался ориентирован на целый ряд радикальных мыслителей, таких, как Дж.-Ст. Милль, Г. Спенсер и А.И. Герцен.

Возможности институциональной поддержки толерантных социальных практик

Хижняк Александр Владимирович

Аспирант

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина,

социологический факультет, Харьков, Украина

E-mail: khizhnyachok@mail.ru

Постсоветские страны находятся в зоне формирования гражданского общества, атрибутом которого становится толерантность. Феномен толерантности имеет конкретно-историческое и социальное измерение, проявляется как диффузная форма социальности, выступающая отражением восприятия в социуме социальных неравенств. Социологическое изучение места и роли толерантности в системе социальных отношений, механизмов оптимизации социальных взаимодействий в контексте толерантности позволяет очертить направления движения человечества от культуры насилия к культуре мира через расширение толерантных социальных практик. В настоящее время все больше осознается не только практическая значимость толерантности как критерия цивилизованности того или иного общества, но и ее многоаспектность. Многомерность толерантности обусловлена несколькими моментами: во-первых, этот феномен по-разному осознается и трактуется в различных культурах; во-вторых, в различные исторические периоды жизни человечества потребность в толерантности была различной и проявлялась по-разному, неравномерно охватывая те или иные социальные сегменты; в-третьих, разные слои (социальные группы) общества демонстрируют разные формы, типы, виды толерантного сознания и поведения, в целом фиксируется различная культура толерантности в различных социальных средах и ситуациях. При этом толерантное поведение определяют не только существующие в обществе неравенства, но и их восприятие. Известно, что „люди, которые принадлежат к одному социуму, но занимают в нем разные социальные ... позиции, как правило, неодинаково воспринимают те или иные стороны общественной жизни” (Андреев, 2007). На толерантность в наши дни влияет появление так называемых „новых социальных неравенств”, среди которых выделяются две разновидности институционализированных неравенств (Макаев, 2006): формально институционализированные неравенства, т.е. закрепленные в определенных нормативах, инструкциях, а также неравенства-фактичности – иногда очевидные, но чаще всего неявные продукты нерегламентированной игры социальных сил и стихий, в определенном смысле они – непредвиденные результаты жестов „невидимой руки”.

Толерантные отношения реализуются как на межличностном, так и на институциональном уровне, в различных сферах общественной и личной жизни. При этом их регуляторами становятся те или иные социальные институты. Социальные институты в зависимости от их роли в формировании и воспроизводстве толерантных социальных практик можно, на наш взгляд, условно разделить на три группы.

Первую группу составляют институты, предназначение которых заключается в „выработке” толерантности как культурной нормы, социальной и личностной ценности (это прежде всего институты науки, права, политики, религии, идеологии и т.д.). *Вторая группа* включает институты, которые призваны транслировать (передавать) толерантное видение мира, формируют толерантную компетентность (к ним можно отнести институты семьи, образования, средств массовой информации). *Третью группу* представляют институты, которые выполняют функцию социального контроля за соблюдением в конкретном обществе принципов толерантности (это преимущественно институты права, государства, общественного мнения).

Следует отметить, что в любом сложно структурированном обществе в формировании, поддержании и воспроизводстве толерантного пространства социальных взаимодействий так или иначе задействованы все базовые институты и определение их места и роли требует проведения специальных исследований. Мы же приведем некоторые соображения по этому поводу. Так, основные принципы толерантных отношений в *религиозной сфере* содействуют межконфессиональной толерантности (Дробышева, 2003): свобода совести; диалог в отношениях между религиозными группами и организациями; защита прав как большинства, так и меньшинства при пропаганде религиозных убеждений; исключение или предотвращение провокационных заявлений по поводу тех или иных атрибутов конкретной религии; не абсолютность свободы распространения религиозных взглядов и верований; поиски примирения в случае конфликтов на религиозной почве и т.д. *Институт государства* призван создавать и поддерживать социальные условия для существования и расширения толерантности через реализацию ряда принципов: обеспечение социального порядка демократическими способами; защиту прав различных меньшинств (не только национальных); установление диалога с институтами гражданского общества и т.д.

Толерантное социальное пространство в значительной мере определяет качество гражданского общества, поскольку это общество способно контролировать государство и способствовать самоорганизации различных общностей и личностей на толерантное социальное поведение. Процесс развития гражданского общества условно разделяется на две зоны: зону развитого гражданского общества и зону гражданского общества, которое становится (развивается). В качестве разделяющей их границы предлагается брать 50-процентное число граждан, которые доверяют тому или иному институту. Совокупный результат всех институтов показывает, в какой зоне находится гражданское общество конкретной страны в конкретный момент (период) времени. Этот подход достаточно эвристичен, так как позволяет не только определить состояние гражданского общества, но и увидеть, какой из институтов сдерживает его дальнейшее развитие и требует дополнительной поддержки (укрепления). Социологические исследования фиксируют отсутствие устойчивого позитивного отношения населения к институтам гражданского общества как в западных, так и в постсоветских странах (Шумпанова, 2006), что сдерживает расширение толерантных практик, а толерантность все еще оставляет преимущественно на уровне декларативного принципа. В наши дни толерантность требует институциональной поддержки как со стороны государства, так и гражданского общества. Ведь эти институты имеют значительные средства воздействия на процессы социальной дифференциации и преодоления негативные последствий социальных неравенств.

Востребованность толерантных отношений повышается, когда в социальной системе воспроизводятся рискованные практики без адекватных систем их регулирования, в т.ч. на институциональном уровне. Необходимо, чтобы люди, придерживаясь толерантности, могли воспользоваться социально-экономическими и политическими свободами, которые открывает демократия. Толерантность, позитивная по своей сути, предусматривает безграничность путей коммуникации, создание толерантных социальных сетей на личностном и институциональном уровнях.

Оптимизация социальных взаимодействий в контексте толерантности требует, на наш взгляд, технологизации социологического знания об этом феномене.

Литература

1. Андреев А. Л. (2007) Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социс. 2007. № 9.
2. Макеев С. (2006) Новые социальные неравенства / Под ред. С. Макеева. К.: Институт социологии НАН Украины.
3. Дробышева Л.М. (2003) Социология межэтнической толерантности /Отв. ред. Л.М.Дробышева. М.: Изд-во Института социологии РАН.
4. Шумпанова И. С. (2006) Отношение граждан России и западных стран к институтам гражданского общества // Социология власти. № 6.

Осознание смысла жизни, как одна из потребностей современного общества

Хусаинова Г.Р.

Студент

*Тюменский государственный университет, международный институт финансов,
управления и бизнеса,*

социологический факультет, Тюмень, Россия

E-mail: devzonka.89@mail.ru

В настоящее время, вопрос «о смысле жизни» волнует в глубине души каждого человека. Следует отметить, что это один из самых устаревших вопросов, который не теряет своей актуальности и в наши дни. Узнать смысл жизни отдельного индивида возможно посредством опроса, но наиболее часто встречающийся ответ не разумно применять ко всему обществу. Следовательно, суть данной проблемы заключается в том, что смысл жизни у каждого человека свой, несмотря на то, что у некоторых людей он может повторяться, в силу схожего понимания смысла бытия.

Практически каждый человек, с одной стороны, пытается понять свой смысл жизни, неосознанно прибегает к смыслу существования всего человечества. С другой стороны, мы ищем смысл жизни всего народа, уходя постепенно к своим внутренним заботам и переживаниям. Осознание того, для чего мы живем должно тревожить каждого человека, иначе делается невозможным понимание существования всего общества. Общество нацелено на то, чтобы удовлетворять свои потребности. В данном случае, потребность носит индивидуальный характер, но, тем не менее, является потребностью всего общества. Как отмечал русский философ С. Л. Франк, характерной особенностью русского мировоззрения является «предубеждение против индивидуализма и приверженность к определенному рода духовному коллективизму». Важно отметить, что общество в современном мире старается исходить из противоположного взгляда, характерного для западноевропейского духа. Основываясь на этом, если каждый человек принципиально исходит из своей индивидуальности, то не возможно будет добиться общего понимания. Следует сначала осознать проблему смысла жизни как общую, а затем применить результат к отдельным индивидам.

Существуют люди, для которых жизнь есть стремление к цели. Живя, они преодолевают любые препятствия с помощью различных средств. Цели могут быть разными. Есть цели, которых добиваться необходимо, поскольку дальнейшее существование без них невозможно. Но есть цель, ради чего мы живем. Каждый человек сознательно или бессознательно имеет эту цель. И даже никакие неудачи не могут остановить человечество в осуществлении этих целей. Главное постараться понять какую пользу несут обществу данные цели, или же они имеют сугубо личностный характер. Для молодого поколения, смысл жизни может заключаться в получении удовольствия от бытия. Для кого-то, в ощущении гармонии с окружающим миром и

самим собой. Наверно нельзя путать цели, которых мы стараемся достичь, и смысл нашего существования, которого мы до сих пор не осознали. Даже достигнув основной цели, о которой мы мечтали, большинство своего времени, не ведет за собой прекращения существования, а вот потеря смысла жизни ведет за собой гибель того, кто его потерял. Существуют и такие люди, которые живут, не осознавая смысла своего существования. Это происходит именно потому, что связь между целями и смыслом жизни человека очень тесная. В этом случае человеком правят цели, которых он стремится достичь, может, даже, не осознавая этого. По мнению русского философа Е. Н. Трубецкого, человек не будет думать о смысле жизни тогда, когда он перестанет бороться за жизнь. Когда его стремление ощутить полноту жизни достигает своего окончательного удовлетворения. Е. Н. Трубецкой ставит вопрос: «почему наше страдание о человеке – самое глубокое из всех»? Объяснить это можно тем, что мы считаем человека высшей ступенью мировой эволюции, до конца которого понять не возможно. От того, что мы не можем узнать своего предназначения, наш разум страдает.

Многие века народу помогала жить вера в светлое будущее. С течением времени эта вера угасала, заставляя народ служить своему разуму. С этих пор появилась проблема осознания смысла бытия. Данный вопрос носит философский характер, но поскольку он интересует непосредственно общество, и входящих в него индивидов, то он приобретает социальные аспекты. Изучением таких аспектов должна заниматься непосредственно социология. Ведь только тогда, когда человек поймет, для чего он живет, его жизнедеятельность станет эффективней, что непременно послужит во благо обществу. Не понимание же этого смысла ведет ко многим болезням общества, суть которых остается неизвестной. Следует начать должное изучение интересующего всех вопроса, даже если на это уйдут десятилетия, по крайней мере, следующим поколениям удовлетворять потребность в осознании смысла жизни не доведется.

Литература

1. Франк С.Л. (1996) Русское мировоззрение. СПб.: Наука.
2. Трубецкой Е. Н. (1997) Избранное / Сост., послесловие и комментарии В. В. Сапова. М.: Канон, 1997.

Криминализация российского общества и изменение общественного сознания в ходе трансформационных процессов РФ

Шатихина Анна Александровна

Аспирантка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: anna-sh1@yandex.ru

Неустойчивая социальная структура современного российского общества, является следствием трансформации социального пространства, которая началась в конце 1980-х гг. Эти изменения затронули не только институциональные структуры общества, но и поставили вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности в общественной иерархии.

После объявления Сталиным в 1939 году политической формулы типа «два+один», массовым сознанием она была принята, что способствовало росту интеграционных тенденций в обществе. Таким образом, осознавалась общность коренных интересов социальных групп, необходимость ускоренной модернизации страны, создании современной индустрии.

Однако многие авторы говорили о стратификации внутри слоев или о пограничных слоях. Размывание традиционных групп населения советского общества дополнилось новыми социоструктурными образованиями российского общества в 1990-х годах.

Происходило становление новых стратификационных структур, которые характеризовались массовой десоциализацией, маргинализацией, то есть потерей самоидентификации и неопределенностью социального статуса. Все это усложнялось еще и тем, что страна была в состоянии аномии, так называемого ценностного вакуума, который подразумевал отсутствие четких приоритетов, предпочтений, которые стимулировали бы ту или иную деятельность людей.

Высокий темп концентрации капиталов и средства производства в руках частных лиц явилось деструктивным фактором, который влиял на криминальную ситуацию в стране, что явилось фактором криминализации не только общества, но и в какой-то степени общественного сознания.

Именно общественное сознание, посредством социальных институтов, выполняет функцию социального контроля за поведением и деятельностью социальных групп, но как этот контроль может распространяться на государство. А именно его многие авторы, включая Р.В.Рывкину, выделили как основной фактор, который повлияли на тотальную криминализацию российского общества¹¹. Криминогенная роль государства в процессе рыночных реформ проявилась во многих формах.

Во-первых, двойственность положения бывшего аппарата советской власти, из "партийно-советской номенклатуры" они превратились в бизнесменов, что вызывало у общества огромное возмущение.

Во-вторых, фактором криминализации общества оказалась экономическая политика постсоветского государства, что выражалось, принятием государством законов, которые стимулировали противоправное поведение граждан (законы о налогообложении, которые породили массовое уклонение от уплаты налогов в стране).

В-третьих, преступная деятельность самих работников государственных органов (взяточничество среди работников налоговых служб). В массовых действиях возникали похожие тенденции, которые основывались на том, что если государство и государственные чиновники позволяют себе брать взятки, то чем другие хуже.

В-четвертых, криминогенная роль государства проявилась в "срастании" госчиновников с преступными элементами (участие в криминальном бизнесе, ограждение криминальных авторитетов от наказаний и т.д.). В результате так называемые «воры в законе» превратились уже в воровскую элиту, и позже часть из них получила новый социальный статус - так называемых олигархов.

В-пятых, постсоветское государство не только не смогло противостоять натиску криминальных элементов во всех сферах российского общества, но и "развратило" те службы (МВД, ГБ и др.), которые были призваны противостоять преступности и обеспечивать безопасность граждан.

Так как не была проведена реформа ни судебных, ни правоохранительных органов, это привело к длительному периоду безнаказанности преступлений и их росту.

Каждый кризис создает новые условия для экономических преступлений, так после 1998 года ситуация не изменилась. По результатам исследований 2004 года, 76% опрошенных считают, что в органах исполнительной и законодательной власти региона, в котором они проживают, оказываются люди, связанные с криминальным миром, с организованной преступностью. Почти половина опрошенных (45%) говорит, о том, что в органах власти стало больше людей, связанных с криминальным миром, чем это было в 90-е годы, и только 10% считают, что она уменьшилась.

Исследования 2008 года показывают, что 16% россиян считают, что коррумпированы все, 46% – что большинство; 22% полагают, что половина аппарата чиновников причастна к соответствующим практикам. Борьбу с коррупцией в России в ближайшее время предполагается вывести на принципиально новый уровень: 31 июля 2008 года президентом страны подписан Национальный план противодействия

¹¹ Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества. // Социс. 1997, №4, С.79-81.

коррупции. По мнению действующей власти, реализация этого плана позволит намного эффективнее бороться с использованием должностными лицами своих властных полномочий в целях личной выгоды. Начавшиеся процессы требуют не столь политического или экономического, а сколько исторического времени.

Подводя итоги можно сказать, что для того чтобы политическая система была стабильной и эффективной, она должна основываться на интересах большинства граждан, а не отдельных групп. Регулирование социально-экономических различий между социальными группами общества должно служить утверждению социальной и политической стабильности. Для успешного функционирования социального государства нужна высокоразвитая экономика, которая должна быть эффективной, социально ориентированной, служащей интересам всех слоев общества. Чрезвычайно важным аспектом в России является эффективное конституирование и деятельность социального государства на всех уровнях управления (федеральном, региональном, местном).

Литература

1. Ахтямова Г.Р. Социальная дифференциация общества и интересов. // Социс. 1997, №8. С.60-68.
2. Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация Российского общества. М., 2000. 480с.
3. Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение. // Социс. М., 1991. №8. С.3-21.
4. Кривошеев В.В, Криминализация общества: сущность процесса, российская специфика. М., 2000. 111с.
5. Руткевич М.Н. О социальной структуре советского общества. // Социс. М., 1999. №4. С.19-28.
6. Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества. // Социс. 1997, №4, С.73-83.
7. www.fom.ru (*Фонд Общественного Мнения*)

Теория социального научения – начало нового этапа в истории развития теорий влияния СМИ

Юрченко Е.И.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: yurchenko-home@zelnet.ru

Теория социального научения заключается в понимании того, что большая часть того, что мы знаем, усваивается нами через наблюдение, то есть мы “научиваемся” этому. Мы, наблюдая за моделями поведения других людей, учимся чему-либо: “За исключением лишь некоторых элементарных рефлексов, человек появляется на свет, не обремененный врожденными стереотипами поведения. Ему еще предстоит им обучиться. Новые формы поведения вырабатываются на основе как непосредственного личного опыта человека, так и его наблюдений за поведением окружающих¹²”.

Альберт Бандура, ученый, который подробно описал эту теорию в своих трудах, считает, что одним из простейших способов научения – через личный опыт: “Самый элементарный способ научения, уходящий корнями в непосредственный личный опыт, основан на результатах тех или иных действий — положительных или отрицательных. Переживая повседневные события своей жизни, люди очень скоро начинают понимать,

¹² Бандура А. Теория социального научения. СПб.:Евразия, 2000. – С. 31

что одни из их реакций, как правило, всегда ведут к успеху, другие — безрезультатны, а иногда даже имеют весьма печальные последствия. Благодаря процессу такого дифференцированного подкрепления постепенно отбираются эффективные формы поведения, в то время как неэффективные — отбрасываются¹³”.

Но в большинстве случаев люди учатся во время наблюдения за окружающими их людьми, таким образом, у них формируется представление о том, как следует действовать в определенной ситуации.

Согласно данному подходу, научение через наблюдение связано с четырьмя важными процессами.

1) Внимание. “Люди мало чему научаются при наблюдении, если не будут реагировать на стимулы и внимательно воспринимать существенные особенности моделируемого поведения. Процессы внимания определяют, что избирательно наблюдается и что конкретно отбирается из множества модельных влияний. Существует определенное количество факторов, регулирующих результат и типы визуального опыта, некоторые из них связаны с характеристиками наблюдателя, другие относятся к моделируемой деятельности и все остальные включают структурное оформление личностных взаимоотношений¹⁴”. Среди определяющих факторов внимания может быть, например, образ жизни человека, социальный статус, то есть то, что имеет отношение к возможности создания конкретных моделей поведения в определенных случаях. Люди, которые часто общаются в преступных кругах, ближе знакомы с агрессивными видами поведения, чем законопослушные граждане общества.

2) Запоминание. “Для того чтобы наблюдатели смогли извлечь для себя какую-то пользу из поведения моделей, когда те уже отсутствуют и не могут задавать соответствующего направления, типы реакций должны быть в символической форме представлены в памяти. Опыт кратковременного моделирования сохраняется в долговременной памяти посредством символов. В первую очередь именно способность мыслить символами позволяет человеку путем простого наблюдения изучить большую часть элементов типового поведения¹⁵”. Часто информация запоминается в виде образов. А. Бандура приводит пример вождения автомобиля. Когда человек вспоминает про вождение, у него возникают в голове конкретные образы, наблюдаемые многократно.

В процессе запоминания важны не только визуальные факторы, но и вербальные. Например, при запоминании маршрута человек сохраняет в памяти конкретные вербальные компоненты (направо, налево, вперед), которые в сочетании с визуальными образами несут значительную информационную нагрузку.

3) Воспроизведение. “Воспроизведение поведения достигается путем организации реакций во времени и пространстве, в соответствии с образцом, предложенным моделью. В целях анализа реализацию поведения можно подразделить на когнитивную организацию реакций, мониторинг и совершенствование посредством информативной обратной связи¹⁶”. Конечно, если человек наблюдал за определенной моделью поведения, он не всегда может повторить ее. Особенно это касается сложных процессов, например, таких как плавание или игра в гольф, которые приводит А. Бандура в своей книге “Теория социального научения”. “Невозможно усовершенствовать навыки в ходе одного лишь наблюдения, равно как и невозможно развить их исключительно методом проб и ошибок. Тренер по гольфу вряд ли ограничится тем, что выдаст новичкам мячи и клюшки, а сам станет дожидаться, когда же они освоят удар. В большинстве случаев повседневного научения люди в первую очередь пытаются максимально освоить новое для них поведение путем моделирования, а затем начинают совершенствовать свои

¹³ Там же. – С. 32-33

¹⁴ Бандура А. Теория социального научения. СПб.:Евразия, 2000. – С. 41

¹⁵ Там же. – С. 44

¹⁶ Бандура А. Теория социального научения. СПб.:Евразия, 2000. – С. 41

действия, самостоятельно корректируя исполнение посредством информативной обратной связи и фокусируя свое внимание на отдельных элементах¹⁷”.

4) Мотивация. А. Бандура говорит о том, что человек далеко не всегда воспроизводит все, чему научился в процессе наблюдения. Скорее он будет воспроизводить те модели, которые несут определенную пользу и ведут к нужному результату. “Так как на процесс научения через наблюдение влияет множество факторов, наличие моделей — даже самых выдающихся — автоматически не гарантирует формирования такого же поведения и у других людей¹⁸”. Ученый подчеркивает, что в каждом конкретном случае неспособность человека воспроизвести наблюдаемую модель поведения может быть связана со многими факторами: возможно человек не достаточно внимательно наблюдал за моделью, или не имеет физической возможности воспроизвести данную модель поведения, или не имеет достаточное количество побудительных стимулов для совершения действия.

Теория А. Бандуры служит теоретическим базисом для дальнейшего развития теорий влияния СМИ, таких как теория культивации, теория выстраивания приоритетности новостей, теория “спираль молчания” и другие, которые существуют на современном этапе развития теорий влияния СМИ.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.:Евразия, 2000.
2. Атватер И., Даффи К., Климов Е.А Теории социального научения. Психология для жизни. Упорядочение образа мыслей, развитие и поведение человека наших дней: М.:ЮНИТИ-ДАНА,2003.

Социальная аномия: обзор подходов в российской социологии

Юрьевцева И.С.

студент

Тюменский государственный университет, Международный институт финансов, управления и бизнеса, социология, Тюмень, Россия

E-mail: irinaurevceva@mail.ru

В социологии пристальное внимание всегда уделялась не только нормально функционирующей социальной системе, но и различным патологиям общества. Одной из таких патологий является социальная аномия. Впервые понятие «аномия» в социологию ввел Э. Дюркгейм. Он трактовал аномию как «ценностно-нормативный вакуум» - такое состояние общества, когда прежние моральные нормы утрачивают свою регулирующие функцию, а новые еще не успевают сложиться. Дюркгейм подчеркивал, что состояние аномии присуще кризисным, переходным обществам. Американский социолог Р. Мертон развил и модернизировал теорию аномии Дюркгейма. Согласно его концепции, аномия - это результат несогласованности между элементами ценностно-нормативной системы общества: культурно предписанными всеобщими ценностями и законными средствами их достижения.

Социально-экономические и политические кризисы 90-х гг. XX в. обусловил широкий интерес к феномену аномии в российской социологии. Многие авторы используют теорию аномии при анализе широкого ряда проблем современного общества. Важным является проведение целостного теоретического обзора существующих подходов к данному явлению, их классификация. Что касается западной социологии, можно выделить работу К. А. Феофанова «Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии», в которой проанализированы основные

¹⁷ Там же

¹⁸ Бандура А. Теория социального научения. СПб.:Евразия, 2000. – С. 48

концепции и эмпирические исследования, посвященные понятию аномии, начиная от теории Дюркгейма и заканчивая работами американских исследователей XX в.

В рамках нашей работы мы проанализировали подходы к понятию аномии в современной российской социологии, выделили основные проблематики исследований, связанные с теорией аномии, а также сравнили труды американских и российских социологов по данной теме.

Во-первых, понятие аномии используется при изучении проблем ценностных ориентаций современного российского общества (работы В. Т. Лисовского, В. Г. Федотовой и др.) Многие исследователи отмечают, что в условиях аномии происходит утрата прежних идеологизированных целей, идеалов, доминантных ценностных представлений. Вместо духовных, нравственных ценностей, главенствующую роль стали занимать материалистичность, экономоцентризм, повсеместная коммерциализация. Особое внимание в современной социологии уделяется влиянию аномии на формирование ценностных ориентаций молодежи (И. Ф. Печеркина, В.Т. Лисовский).

Ю. А. Левада, Е. Н. Данилов, Е. Н. Зиза, С. В. Путилов изучали такое проявление аномии в обществе, как кризис социокультурной идентичности и национального самосознания. Разрушение идентичности народа оборачивается его неспособностью сформулировать национальный интерес, то, что называют национальной идеей. В конечном итоге это приводит к утрате народом своего исторического бытия, способности к самоосуществлению, к жизни, опирающейся на собственные глубинные основания: культурно-исторические, геополитические и духовно-религиозные.

Проблема аномии рассматриваются в тесной связи с проблемами девиации и преступности российского общества (В.В. Кривошеев, Г. А. Мальцева). Отечественные социологи отмечают, что наблюдается не просто возрастание уровня преступности в условиях аномии, а стирание различий социально позитивного и негативного действий, когда нарушение правовых норм оказывается социально одобряемым и даже привлекательным в глазах общественности. В.Т. Лисовский отмечает, что молодежь часто включает в число престижных профессий бандита, и почти каждый третий молодой человек допускает для себя участие в криминальных группировках.

Также аномия рассматривается в рамках социоэкологического подхода, при котором подчеркивается связь природных и социальных факторов развития и функционирования общества (В. В. Кривошеев, В. Г. Николаев и др.). В. В. Кривошеев утверждает, что одним из проявлений аномии современного российского общества является утрата связей человека и природы, нарушение меры осознания человеком своей ответственности за деятельную активность.

Таким образом, мы проанализировали основные подходы к понятию аномии в современной российской социологии. Многообразие подходов к понятию аномии обусловлено многогранностью самого явления. С одной стороны, российские авторы активно используют теорию аномии, разработанную Э.Дюркгеймом, для анализа широкого ряда социальных проблем. С другой стороны, труды российских социологов развивают теорию аномии, позволяют выделить новые аспекты и специфику этого явления в российском обществе. При сравнении с американской социологией можно отметить, что современные американские исследователи (Р. Макайвер, Д. Рисмен,

Л. Сроул), разрабатывали новые теоретические концепции аномии, отличные от классических, в то время как российские социологи в основном применяют теории аномии Дюркгейма и Мертона для анализа социальных проблем российского общества.

На наш взгляд, недостатком исследований в данной области является отсутствие практических рекомендаций по преодолению состояния аномии. В настоящее время эта проблема стоит особенно остро. Согласно теории Дюркгейма, кризисы, и особенно экономические кризисы, являются причиной аномичного состояния общества. Крах ожиданий и стремлений людей в результате экономического кризиса воспринимается как потеря смысла жизни, приводит к возрастанию числа самоубийств. Уже сейчас наблюдается рост числа самоубийств в России и за рубежом. Анализ состояния современного кризисного общества на основе теории аномии может стать дальнейшим направлением исследований в данной области.

Литература

1. Дюркгейм, Э. (1998) Самоубийство: социологический этюд. - СПб: «СОЮЗ»
2. Кравченко, А. И. (2006) Социология девиантности. М.: МГУ
3. Кривошеев, В. В. (2004) Аномия современного общества: параметры качества жизни и отношения к среде обитания // Социология образования. №8. С. 64-69.
4. Николаев, В. Г. (2006) К проблеме аномии в России: социально-экологический аспект // Россия и современный мир. № 4. С. 39-56.
5. Путилов, С. В. (2007) Национальное самосознание российских народов: состояние и тенденции // Вестник Челябинского государственного университета. № 17. С. 71-78.
6. Феофанов, К. А. (2004) Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. № 5. С. 88-91.
7. Глобализация, федерализм и региональное развитие: Сборник тезисов всероссийской конференции (2001). Тюмень: Изд-во ТюмГУ.